

18+

МИРА БЕРГ

Катя и Лоренцо

Мира Берг

Катя и Лоренцо

*<https://litres.ru/74307043>
ISBN 9785007089197*

Аннотация

— Будто его делали специально для вас.

— Его и делали для меня.

Перстень пропал больше века назад. Катя находит на нём стёртую гравировку — и владельца, который выглядит моложе сорока. Лоренцо Вальери — древний вампир, привыкший приказывать. Но рядом с Катей ему впервые за века приходится ждать, пока она сама сделает шаг. Тот, кто подбросил перстень, помнит, каким был Лоренцо, и хочет доказать, что он не изменился. И чем ближе Катя к вампиру, тем скорее она окажется под ударом.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	23
Глава 3	42
Глава 4	59
Глава 5	74
Глава 6	93
Глава 7	112
Глава 8	129
Глава 9	152
Глава 10	171
Конец ознакомительного фрагмента.	183

Катя и Лоренцо

Мира Берг

© Мира Берг, 2026

ISBN 978-5-0070-8919-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

К половине десятого Катя успела решить, что за перстнем сегодня уже не придут.

Торговый центр закрывался в десять. Покупателей в галереях становилось всё меньше, в кофейне этажом ниже протирали свободные столики, а сотрудники соседних магазинов уже начинали поглядывать на часы. За высоким стеклянным фасадом шёл мелкий ноябрьский дождь. Вода размывала огни машин, вывесок и уличных фонарей, превращая город снаружи в дрожащее цветное пятно.

Внутри всё оставалось светлым, тёплым и безупречным.

Даже поздним вечером торговый центр не выглядел уставшим. Свет отражался от гладкого каменного пола, в стеклянных витринах ещё горели декоративные лампы, из общего пространства доносилась тихая музыка. Здесь не торопили уйти. Здесь предлагали задержаться ещё на несколько минут, подняться на следующий этаж, выпить кофе, посмотреть одну последнюю витрину и, возможно, купить что-нибудь, о чём человек не думал до того, как вошёл.

Ювелирный салон находился на третьем этаже. Сюда можно было подняться по лестнице, на эскалаторе или на одном из нескольких лифтов; отдельный лифт, скрытый за служебными дверями, использовал персонал.

В салоне играла своя музыка — спокойная, почти неза-

метная. Инструментальные версии знакомых песен сменяли друг друга так плавно, что Катя редко могла вспомнить, какая звучала минуту назад. Музыка не должна была отвлекать. Она должна была замедлять шаг и создавать ощущение, что времени достаточно для ещё одного кольца, ещё одной примерки и ещё одного решения, которое совсем не обязательно принимать сегодня.

Свет здесь тоже был рассчитан до мелочей. Тёплое золото не терялось рядом с холодным блеском белого, камни ловили направленные лучи, но не слепили, а тёмный бархат под ними делал каждое украшение чуть значительнее. Вдоль стен стояли витрины с тонкими цепочками и подвесками, в центре — с кольцами и браслетами. Дальше начиналась свадебная коллекция, за ней — мужская. Выбор был таким большим, что человек, пришедший за простыми серьгами, неизбежно начинал задумываться о браслете, подвеске и ещё одном кольце, которое совершенно ему не требовалось.

Катя работала здесь третий год и давно перестала видеть в витринах сокровища.

Для неё это были размеры, артикулы, застёжки, сертификаты и ежедневная необходимость протирать стекло, на котором покупатели обязательно оставляли отпечатки пальцев. Она различала оттенки золота быстрее, чем цвета помады, и могла почти безошибочно определить размер кольца по рукам клиента, но по-прежнему не понимала, зачем человеку десятая тонкая цепочка, почти неотличимая от предыдущих

девяти.

Сейчас Катя стояла за дальней стойкой и поправляла подставку с мужскими кольцами.

Тёмно-зелёное рабочее платье мягко облегалo её чуть полноватую фигуру. Цвет ей шёл — оттенял светлую кожу и рыжие волосы, которые на время смены приходилось собирать на затылке. Волосы у Кати были густыми, тяжёлыми и совершенно не приспособленными к строгим причёскам. К концу дня шпильки начинали тянуть кожу, и сейчас голова болела так, будто вместо нескольких невидимок на неё надели слишком тесную шапку.

Одна прядь уже выбилась и щекотала щёку. Катя несколько раз пыталась заправить её обратно, но та упрямо возвращалась.

— Кать, оставь ты эту витрину, — попросила Лера из-за кассы. — До закрытия двадцать минут.

— Кольцо криво лежит.

— Оно лежало так весь день.

— Значит, весь день лежало криво.

Лера посмотрела на неё и покачала головой.

— Иногда мне кажется, что ты специально ищешь себе занятие.

— А ты предлагаешь мне последние двадцать минут стоять и смотреть на тебя?

— Я красивее кольца.

— С этим я не спору.

Катя всё-таки выровняла подставку и закрыла витрину.

В отражении стекла на неё посмотрела женщина тридцати трёх лет с уставшим лицом, выбившейся прядью и веснушками, которые не исчезали даже в ноябре. Летом их становилось гораздо больше — они рассыпались по щекам, переносице, плечам и рукам. Зимой бледнели, но всё равно оставались заметными.

Катя поправила бейдж и машинально взглянула в сторону двери кабинета.

Ирина Павловна не выходила уже почти час.

Всё из-за перстня.

Его принесли утром вместе с несколькими украшениями из частной коллекции. Салон принимал такие изделия для предварительной оценки: после заключения специалиста их либо отправляли в центральный офис, либо возвращали владельцу, либо выставляли на продажу.

Перстень не выглядел особенно ценным. Потемневшее золото, тяжёлая прямоугольная печатка, почти стёртый рисунок. Среди колец с бриллиантами и чистыми цветными камнями он казался старым, грубым и немного мрачным.

Катя уже собиралась положить его в лоток к остальным изделиям, когда заметила возле внутреннего края несколько мелких знаков.

Сначала она решила, что это клеймо. Потом присмотрелась и поняла: буквы.

Слишком неровные для фабричной маркировки и почти

стёртые от времени.

Катя попросила оценщика посмотреть внимательнее.

После этого обычный рабочий день закончился.

Оценщик унёс перстень в кабинет. Через двадцать минут Ирина Павловна закрыла дверь и кому-то позвонила. Потом был ещё один звонок, следом приехал мужчина из службы безопасности торгового центра, а перстень убрали в сейф.

Кате объяснили только, что гравировка позволила установить прежнего владельца и вечером за вещью приедут.

— Прежнего владельца? — переспросила она. — Этому кольцу лет сто пятьдесят.

Ирина Павловна посмотрела на неё поверх очков.

— Возможно, больше.

— И владелец ещё приедет?

— Представитель семьи, Екатерина.

Катя тогда решила, что директор просто неудачно выразилась.

Теперь же представитель семьи опаздывал, а из-за него никто не мог начать обычную подготовку к закрытию. Ирина Павловна запретила выключать часть витрин и попросила Леру не закрывать кассу до её распоряжения.

В без двадцати десять дверь кабинета наконец открылась.

Ирина Павловна вышла в зал, осмотрела салон и поправила шёлковый шарф на шее.

— Екатерина, перстень у тебя?

— В сейфе.

— Достань, пожалуйста. Господин Вальери приехал.
Катя подошла к сейфу, но Лера негромко окликнула её:
— Кать.

Она обернулась.

Лера смотрела сквозь стеклянную стену салона.

Катя проследила за её взглядом.

Сначала она увидела управляющего торговым центром. Его Катя знала в лицо: несколько раз он обходил галереи вместе с арендаторами и всегда двигался быстро, заставляя остальных подстраиваться под его шаг. Сейчас он шёл медленнее обычного и держался немного впереди, то и дело оборачиваясь к мужчине рядом.

За ними следовали двое мужчин в тёмных костюмах. Ещё двое остались возле выхода из лифтового холла. Они не разглядывали витрины и не разговаривали. Один наблюдал за редкими посетителями, второй — за входом в салон.

Кате не пришлось спрашивать, кто из вошедших Лоренцо Вальери.

Он был очень высоким — не меньше метра девяноста пяти, — широкоплечим, с той естественной силой, которую невозможно получить одним только хорошо сшитым костюмом. Длинное тёмное пальто оставалось расстёгнутым. Под ним был графитовый костюм без галстука и светлая рубашка с расстёгнутой верхней пуговицей.

Вальери двигался неторопливо, но никому вокруг не приходилось ждать. Управляющий замедлялся или ускорял шаг

вместе с ним, охрана сохраняла нужное расстояние, люди впереди уступали дорогу ещё до того, как понимали, почему это делают.

На вид ему было лет тридцать пять, возможно, тридцать семь.

Русые волосы с тёплым светло-каштановым оттенком были зачёсаны назад, открывая высокий лоб. Из-за дождя несколько прядей у виска потемнели и выбились из безупречной укладки. Лицо нельзя было назвать мягким: прямой нос, чёткие скулы, сильный волевой подбородок, спокойная линия рта. Кожа не была ни болезненно бледной, ни смуглой — обычный тёплый оттенок, который делал его почти человечески живым.

Почти.

Необычными были глаза. Очень тёмно-карие, издалека почти чёрные, они смотрели внимательно и спокойно. В этом спокойствии не чувствовалось ни равнодушия, ни рассеянности. Скорее привычка замечать всё необходимое сразу.

Красивым Катя признала его не в первое мгновение.

Сначала она заметила собранность. Безупречную осанку. Сильные руки. То, что он не пытался занять весь салон — и всё же люди рядом невольно оставляли ему больше места.

Лишь потом стало очевидно, что он красив.

Не правильной, безобидной красотой, которую хотелось рассматривать на фотографии. В нём было слишком много уверенности и сдержанной силы. Привлекательность не

смягчала первое впечатление — скорее делала его тревожнее.

Автоматические двери салона открылись.

Двое охранников остановились снаружи. Управляющий вошёл первым, но сразу посторонился, пропуская Вальери.

Ирина Павловна выпрямилась.

— Добрый вечер, господин Вальери. Всё готово. Наш оценщик подтвердил подлинность, документы тоже подготовлены.

— Добрый вечер.

Он говорил по-русски свободно. Акцент был едва заметным — не мешал словам, а только заставлял прислушаться к тому, как он чуть иначе смягчал согласные и медленнее произносил окончания.

Вальери не посмотрел на документы.

— Кто обнаружил гравировку?

Ирина Павловна обернулась к Кате.

— Екатерина.

Его взгляд остановился на ней.

Не скользнул дальше после короткого знакомства, а задержался.

Катя неожиданно вспомнила о выбившейся пряди и пожалела, что не успела посмотреть на себя не в отражении витрины, а в нормальном зеркале. Она заправила волосы за ухо и достала из сейфа тёмный футляр.

Вальери продолжал смотреть.

Катя поставила футляр на стойку.

— Я увидела буквы возле внутреннего края, — объяснила она. — Сначала подумала, что это клеймо, но для маркировки они выглядели слишком старыми.

— Вы знали, что они означают?

— Нет.

— И всё же решили обратить на них внимание.

— Если кто-то наносил такую мелкую гравировку, наверное, она была ему зачем-то нужна.

Он перевёл взгляд на футляр, но всего на секунду.

— Большинство людей её не заметили бы.

— Большинство людей не проводит весь день, рассматривая кольца со всех сторон.

— Вы всегда так внимательны?

Катя подумала.

— Когда не очень устала.

На лице Ирины Павловны появилось выражение, обычно предшествовавшее разговору о правилах общения с важными клиентами.

Уголок рта Вальери едва заметно дрогнул.

Он подошёл ближе к стойке, и Катя почувствовала его запах.

Не резкий парфюм, который старается войти в помещение раньше своего владельца. От Вальери пахло ноябрьским дождём, хорошей кожей и сухим деревом. За ними проступал едва заметный дым и что-то холодное, почти минераль-

ное — как воздух в старом каменном доме после ливня, когда стены ещё хранят ночной холод, а в одной из комнат уже разожгли камин.

Запах был одновременно тёплым и прохладным.

Надёжным — если не задумываться о том, что может скрываться за закрытыми дверями этого дома.

Катя поняла, что тоже рассматривает его, и открыла футляр.

Перстень уже очистили. Золото по-прежнему оставалось тёмным от времени, но теперь на печатке можно было разглядеть герб: щит, тонкую корону над ним и двух зверей по сторонам. Катя так и не решила, были это львы или волки.

Вальери посмотрел на кольцо.

На его лице почти ничего не изменилось, но Катя вдруг поняла: оно действительно было ему нужно. Не как дорогая редкость и не как очередная вещь, которую можно вернуть за достаточное количество денег.

Он узнал перстень.

Так человек узнаёт лицо, которое не ожидал увидеть снова.

— Покажите, — попросил Вальери.

Катя взяла кольцо, чтобы передать ему.

Его пальцы коснулись её руки.

Они оказались чуть прохладнее её пальцев. Не ледяными и не озябшими после ноябрьского дождя — просто сохраняли ровную прохладу, которой Катя не придавала бы значения,

если бы в нём уже не было столько необъяснимых мелочей.

Катя едва заметно вздрогнула.

Он посмотрел на её пальцы, потом снова ей в лицо.

— Простите, — сказала она. — У вас прохладные руки.

— Мне редко об этом говорят.

— Возможно, остальные лучше воспитаны.

Теперь он улыбнулся.

Совсем немного, но его лицо сразу изменилось. Жёсткость не исчезла, зато в глазах появилось что-то живое и почти насмешливое.

— Возможно, Екатерина.

Полное имя прозвучало непривычно. Он прочитал его на бейдже — Катя знала. И всё же возникло странное ощущение, будто Вальери не прочитал, а запомнил его ещё раньше.

Он надел перстень.

Тяжёлое старинное кольцо сразу оказалось на своём месте. Не выглядело случайной вещью, примеренной современным человеком. Не казалось ни слишком крупным, ни излишне заметным. Словно все эти годы действительно ждало именно его руки.

Катя невольно произнесла:

— Будто его делали специально для вас.

— Его и делали для меня.

Она подняла глаза, ожидая улыбки, которая подсказала бы, что это шутка.

Но он не улыбался.

— Очень давно? — спросила Катя.

— Достаточно давно.

— Настолько, что прежнего владельца уже нельзя было найти?

На этот раз пауза длилась чуть дольше.

— Напротив. Вы его нашли.

Катя посмотрела на перстень, потом на Вальери.

Ему не могло быть больше тридцати семи. Даже сорок было бы сложно дать. Ни седины, ни усталых складок возле рта, ни других мелких следов возраста, которые она привыкла замечать у мужчин, рассматривавших себя в зеркалах салона.

— Вы опять шутите? — спросила она.

— А вы опять не уверены.

— Поэтому и спрашиваю.

— Нет, Екатерина. Я не шучу.

Ирина Павловна тихо переложила папку с документами с одной руки в другую.

— Господин Вальери имеет в виду, что перстень принадлежал его семье, — поспешно пояснила она.

Он не стал ни подтверждать, ни опровергать её слова.

Только продолжал смотреть на Катю.

За свою жизнь Лоренцо видел достаточно красивых женщин, чтобы сама по себе красота давно перестала быть причиной задерживаться.

Ему хватало нескольких секунд, чтобы заметить правильность черт, линию шеи, изгиб губ, осанку, привычку держать

руки. Обычно за первым взглядом не следовал второй.

С Екатериной Лебедевой произошло иначе.

Сначала ему показалось, что дело в волосах. Даже собранные, они оставались слишком яркими для сдержанного салона — слишком живыми среди выверенного света, тёмного бархата и холодного блеска украшений.

Потом она подняла глаза.

Зелёные — решил он в первое мгновение.

Но цвет оказался сложнее. По зелёной радужке рассыпались мелкие коричневые точки, особенно заметные ближе к зрачку. Будто веснушки не остановились на её лице и каким-то образом попали даже в глаза.

Лоренцо задержался, пытаясь понять, что именно его удерживает.

Не волосы. Не глаза. Во всяком случае, не только они.

Екатерина не знала, кто перед ней. Не пыталась определить стоимость его пальто и часов, не следила за реакцией управляющего, не меняла голос в зависимости от положения собеседника.

Она смотрела на него с простым человеческим любопытством.

И ещё — с едва заметным сочувствием.

Она поняла, что перстень был для него не ценностью, а возвращённой частью жизни. Не могла знать, насколько важной, но всё-таки увидела это.

Никто уже очень давно не смотрел на Лоренцо Вальери

так, будто он может что-то потерять.

Ни её внешность, ни прямота сами по себе не были для него новыми. За несколько веков Лоренцо знал очень разных женщин, некоторых действительно любил и почти всегда заранее видел, каким будет следующий шаг.

С Екатериной он впервые за долгое время не мог угадать даже следующую фразу — и хотел её услышать.

Катя первой не выдержала затянувшегося молчания.

— С кольцом всё в порядке?

— Да.

— Тогда футляр вам, наверное, уже не понадобится.

Он посмотрел на перстень.

— Не понадобится.

Катя закрыла пустую коробочку и убрала руки со стойки.

Он всё ещё не отвёл глаз.

Теперь она точно понимала, что не ошиблась. Вальери рассматривал её откровенно, хотя без той неприятной уверенности, с которой некоторые посетители считали продавца частью предложенного им обслуживания.

Скорее он сам не мог решить, зачем продолжает это делать.

— У меня что-то на лице? — спросила Катя.

Ирина Павловна тихо вдохнула.

Вальери перевёл взгляд на веснушки возле её носа.

— Нет.

— Хорошо.

— Вас беспокоит, что я на вас смотрю?

Катя подумала, прежде чем ответить:

— Меня беспокоит неизвестность. Когда я не понимаю, почему.

— И вы всегда спрашиваете?

— Если человек не собирается останавливаться — да. Его улыбка стала заметнее.

— Тогда вам не о чем беспокоиться, Екатерина.

— Это не ответ.

— Другого у меня пока нет.

Он произнёс «пока» совершенно спокойно, но Катя почему-то слышала его особенно отчётливо.

Лоренцо подписал документы, коротко поблагодарил Ирину Павловну и забрал папку у управляющего.

Перед выходом снова посмотрел на Катю.

— Благодарю вас за внимательность.

— Не за что. Это моя работа.

— Как мы уже установили, не совсем.

Автоматические двери закрылись за ним.

Управляющий и охрана двинулись следом.

Несколько секунд в салоне было слышно только музыку. Запах дождя, кожи, дерева и холодного камня ещё оставался возле стойки, хотя самого Вальери уже не было.

Лера первой нарушила молчание:

— Катя, ты ненормальная.

— Почему?

— Ты спросила у Лоренцо Вальери, почему он на тебя смотрит.

— Он действительно смотрел.

— Это не тот случай, когда нужно требовать объяснительную.

Катя повернулась к Ирине Павловне.

Директор закрыла глаза и медленно выдохнула.

— Ты хотя бы понимаешь, с кем сейчас разговаривала?

— С владельцем перстня.

— Лоренцо Вальери. Этот торговый центр принадлежит его холдингу.

Катя посмотрела сквозь стеклянную стену.

Вальери остановился возле закрытого на вечер фонтана. Управляющий что-то говорил ему, показывая документы, охрана держалась в нескольких шагах.

— Теперь понятно, почему вы поправили шарф, — сказала Катя.

— Екатерина, я серьёзно.

— Я тоже.

— И зачем ты спросила, нет ли у тебя чего-нибудь на лице?

— Потому что он смотрел именно на моё лицо. Думаю, я имела право уточнить.

Лера отвернулась, пряча улыбку.

Ирина Павловна покачала головой и ушла в кабинет.

Катя дождалась, пока за ней закроется дверь, и потянулась

к шпилькам. Голова болела уже невыносимо. Она вытащила одну, вторую, потом освободила волосы от последней заколки.

Тяжёлые рыжие пряди упали ей на плечи и спину.

Катя прикрыла глаза и несколько раз провела пальцами у корней, избавляясь от болезненного натяжения.

— Наконец-то человек, — сказала Лера. — А не строгая Екатерина из ювелирного салона.

— Строгая Екатерина сейчас закроет кассу и пойдёт домой.

— А потом будет всю ночь думать о владельце торгового центра.

— У меня дома стирка.

— Очень сильный соперник.

Катя рассмеялась и снова посмотрела в галерею.

Возле фонтана уже никого не было.

Лоренцо стоял за поворотом, откуда салон отражался в тёмном стекле закрытой витрины.

Он увидел, как Екатерина распустила волосы. Увидел, какими густыми они оказались и как изменилось её лицо, когда ушло напряжение. Она улыбалась девушке у кассы, и теперь в ней совсем не осталось той настороженности, с которой она смотрела на него несколько минут назад.

Ему следовало идти к лифту.

Он приехал за перстнем, потерянным больше ста лет назад. Получил его. Никаких других причин оставаться в тор-

говом центре не было.

Лоренцо посмотрел на кольцо.

Оно вернулось на его руку так естественно, словно исчезло вчера.

Потом снова поднял глаза на отражение женщины за стеклом.

Красота не могла его остановить. Любопытство — тем более. Голод он узнал бы сразу.

Но это не было ни одним из них.

Екатерина снова рассмеялась, запрокинув голову. С такого расстояния коричневых крапинок в её зелёных глазах уже нельзя было разглядеть.

Лоренцо убрал руку с перстнем в карман пальто и направился к лифту.

Имя он запомнил.

Глава 2

К половине одиннадцатого Катя успела услышать имя Лоренцо Вальери девять раз.

Первые четыре принадлежали Лере. Ещё три — Ирине Павловне, которая вышла из кабинета после звонка управляющего и коротко объяснила, почему сотрудникам ювелирного салона не стоит задавать владельцу торгового центра вопросы о его возрасте, манере смотреть на людей и прохладных руках.

Оставшиеся два раза Катя произнесла сама — один раз, когда подписывала акт о передаче перстня, и второй, когда проверяла, не забыла ли внести фамилию в журнал.

На бумаге всё выглядело гораздо проще.

Лоренцо Вальери. Перстень с печаткой. Получен владельцем. Претензий к состоянию изделия нет.

Никакого «его и делали для меня». Никаких почти чёрных глаз. Никакой лёгкой прохлады, которую Катя всё ещё помнила кончиками пальцев.

— Ты опять о нём думаешь, — сказала Лера.

— Я считаю серьги.

— Ты уже два раза посчитала один и тот же лоток.

Катя посмотрела на планшет, потом на витрину.

— Значит, теперь мы точно знаем, что за пять минут серьги не размножились.

— А жаль. Ирина Павловна была бы довольна.
Из кабинета донёлся сухой директорский кашель.
Лера понизила голос:

— И всё-таки он смотрел.

— Ты уже говорила.

— А ты делаешь вид, что это ничего не значит.

— Это и не значит. Люди иногда смотрят друг на друга.

— Не так.

Катя закрыла витрину и проверила замок.

— Лер, он увидел меня один раз. Я вернула ему дорогую вещь. Возможно, он просто пытался понять, не унесла ли я вторую в кармане.

— Конечно. Поэтому смотрел в глаза. Карманы обычно там.

Катя не стала отвечать.

Салон уже не походил на тот, в который сорок минут назад вошёл Вальери. Основной свет погасили, камни перестали ловить направленные лучи, и за стеклом остались только тёмные силуэты подставок. Лера закрыла кассу, Катя внесла последний акт в папку, Ирина Павловна поставила салон на внутреннюю сигнализацию.

В галерее третьего этажа было пусто. Эскалаторы ещё двигались, но свет над ними приглушили. За стеклянными стенами соседних магазинов сотрудники переодевались, собирали сумки и торопились к служебным выходам.

Катя остановилась у двери в подсобное помещение и на-

конец сняла бейдж.

— Екатерина, задержись на минуту, — попросила Ирина Павловна.

Лера сочувственно подняла брови и скрылась в раздевалке.

Катя вернулась к стойке.

Ирина Павловна поправила папки, хотя они и без того лежали ровно.

— Господин Вальери не предъявил никаких претензий, — начала она.

— Я заметила.

— И управляющий сказал, что всё прошло хорошо.

— Это тоже звучит обнадеживающе.

— Катя.

Редкое «Катя» означало, что разговор будет не столько официальным, сколько неприятным.

— Я понимаю, что ты не хотела сказать ничего плохого. Но есть клиенты, с которыми лучше позволить разговору закончиться раньше, чем тебе захочется уточнить всё непонятное.

— Он сам задавал вопросы.

— И это не значит, что ты обязана задавать их в ответ.

Катя сжала бейдж в ладони. Пластиковый край больно вдавился в кожу.

Она могла сказать, что не нагрубила. Что Вальери не выглядел оскорблённым. Что именно она заметила гравировку,

из-за которой важная для него вещь вообще вернулась.

Могла.

— Хорошо, Ирина Павловна. Я поняла.

Директор внимательно посмотрела на неё.

— Я не собираюсь тебя отчитывать.

— А что мы сейчас делаем?

Ирина Павловна сняла очки и устало потёрла переносицу.

— Пытаемся сделать так, чтобы твоя внимательность однажды не стоила тебе работы.

Катя опустила взгляд на бейдж.

— Теперь точно поняла.

На этот раз Ирина Павловна помолчала.

— Иди переодевайся. Уже поздно.

В раздевалке Лера стояла перед узким зеркалом и собирала волосы в хвост. Тёмно-зелёное платье уже висело в шкафчике, а сама она переоделась в джинсы и короткую светлую куртку.

— Сильно? — спросила она.

— Нет. Вежливо объяснила, что однажды меня уволят за лишние вопросы.

— Не уволят.

— Почему?

— Кто тогда будет находить потерянные фамильные сокровища?

Катя расстегнула рабочее платье.

— Судя по сегодняшнему дню, семейство Вальери теряет

их нечасто. Ещё на три года моей занятости не хватит.

Она переоделась в тёмные брюки и мягкий серый свитер, убрала платье в шкафчик и провела расчёской по волосам. После целого дня в тугом пучке они лежали неровными волнами и цеплялись за спину.

— Оставь так, — сказала Лера. — Красиво.

— Я и не собиралась снова их собирать.

— Я просто на случай, если внизу ждёт владелец торгового центра.

— Внизу меня ждёт последний автобус.

Катя надела пальто, обмотала шею шарфом и первой вышла в служебный коридор.

Лифт пришлось ждать почти минуту. За металлической дверью что-то загудело, кабина медленно поднялась с первого этажа и остановилась перед ними. Внутри пахло картоном, моющим средством и кофе из автомата.

Лера нажала кнопку первого этажа.

— Ты хотя бы погуглишь его?

— Нет.

— Почему?

— Потому что мне тридцать три года.

— Интернетом разрешено пользоваться после тридцати трёх.

— Я проверю правила дома.

Двери уже начали закрываться, когда между ними появилась мужская ладонь.

Лера отступила.

В кабину вошёл Максим Данилов. Форменная куртка была расстёгнута, галстук он снял и убрал в карман, но рация по-прежнему висела на ремне. На вид Максим казался спокойнее, чем большинство охранников после длинной смены. Только складка между бровями стала глубже, а короткие тёмно-русые волосы лежали не так аккуратно, как днём.

— Я думал, вас уже закрыли внутри, — сказал он.

— Меня почти уволили, — сообщила Катя.

Максим посмотрел на неё, потом на Леру.

— За что?

— За то, что она спросила у Вальери, почему он на неё смотрит, — с готовностью объяснила Лера.

— Меня не увольняли.

— Но почти.

— Меня попросили быть осторожнее с важными клиентами.

— А я что сказала?

Максим нажал кнопку первого этажа ещё раз, будто лифт мог передумать.

— Он тебе что-нибудь сказал?

— Кто?

— Вальери.

— Много чего. В основном про кольцо.

— Нормально сказал?

Катя взглянула на него.

— А если ненормально?

— Тогда я хотя бы буду знать, за что меня уволят.

Лера рассмеялась.

— Вот. Наконец-то правильная мужская реакция.

— Правильная реакция — не устраивать драку с владельцем места, где работаешь, — сказала Катя.

— Я не говорил про драку.

— А за что ещё тебя могут уволить?

— Я найду безопасный для здоровья способ нарушить внутренний регламент.

Лифт остановился.

На первом этаже было почти темно. Свет оставили только над центральной галереей и у выходов. За стеклом дождь уже не казался мелким — вода шла плотными косыми полосами и собиралась на каменных ступенях.

— Прекрасно, — сказала Лера. — Зонт я оставила дома.

— У меня есть, — ответила Катя.

— Такой маленький чёрный, под которым мокнут сразу оба плеча?

— Зато равномерно.

У служебного выхода дежурный проверил их пропуска и открыл дверь. Ветер сразу бросил в лицо холодные капли. Лера остановилась под козырьком и достала телефон.

— Моя машина через две минуты.

— Ты вызвала такси из лифта? — спросила Катя.

— Пока вы с Даниловым выясняли, кто ради кого готов

потерять работу.

— Никто ни ради кого не готов.

— Конечно.

Белая машина с обозначением такси свернула к служебному подъезду. Лера обняла Катю, пожелала Максиму спокойной смены и быстро перебежала под дождём.

Максим посмотрел ей вслед.

— У меня смена закончилась двадцать минут назад.

— Тогда почему ты ещё здесь?

— Потому что господин Вальери решил приехать за кольцом перед закрытием. Пока его люди не уехали, нас не отпускали.

— Извини.

— Ты его пригласила?

— Нет.

— Значит, не за что извиняться. Поехали, я тебя отвезу.

Катя раскрыла зонт. Один из металлических прутьев сразу выгнулся наружу.

Максим посмотрел на него.

— Особенно после такой убедительной демонстрации независимости.

— Тебе в другую сторону.

— Я помню, где ты живёшь.

— Это не делает мой дом ближе к твоему.

— Кать, дождь. Половина одиннадцатого. Автобус ты уже пропустила.

Она достала телефон. По приложению следующий приходил через двадцать семь минут.

Максим молча ждал.

— Только до метро, — сказала Катя.

— До дома.

— Макс.

— Если захочешь, я остановлюсь у метро. Но потом ты ещё двадцать минут будешь ждать автобус под этим зонтом.

Катя посмотрела на выгнутый прут.

— Хорошо. До дома. Но Лере не говори. Она решит, что это свидание.

— Она решила это ещё в лифте.

До её дома он довёз её через двадцать минут.

Катя заметила это не сразу. Она смотрела в окно, по которому бежали дождевые капли, и пыталась понять, зачем человек, выглядевший лет на тридцать пять, говорит о столетнем кольце так, будто помнит день, когда его надел впервые.

Объяснение Ирины Павловны было разумным. Перстень сделали для одного из предков, а Лоренцо говорил о семье как о себе. Богатые люди вообще иногда употребляли местоимения так, словно компания, дом и несколько поколений родственников составляли одно продолжение их личности.

Разумное объяснение почти работало.

— Ты сейчас снова там? — спросил Максим.

Катя повернулась к нему.

— Где?

— На третьем этаже.

— Думаю про кольцо.

— А Лера уверена, что про Вальери.

— Лера за десять минут успела придумать нам свадьбу и раздел имущества.

— Быстро.

— Она хорошо работает с постоянными клиентами.

Максим улыбнулся, не отводя взгляда от дороги.

В машине было тепло. На заднем сиденье лежала форменная куртка, возле коробки передач стоял бумажный стакан с давно остывшим кофе. Всё было знакомым и обычным: навигатор предупреждал о камере, дворники двигались слишком быстро и иногда скрипели по стеклу, Максим ругался на водителя впереди, который включил поворотник уже после того, как перестроился.

— Что за кольцо? — спросил он.

Катя рассказала про потемневшее золото, стёртый герб и мелкие буквы у внутреннего края.

Про то, как перстень сразу подошёл Вальери, говорить не собиралась, но всё равно сказала.

— И он ответил, что кольцо делали специально для него?

— Да.

— Наверное, имел в виду семью.

— Наверное.

— Или у богатых свои способы знакомиться.

— Очень неудобный. Сначала нужно потерять фамильное

украшение на сто лет.

— Зато сразу понятно, что намерения серьёзные.

Катя рассмеялась.

Максим ненадолго посмотрел на неё и снова перевёл взгляд на дорогу.

— Вот. Уже лучше.

— Что лучше?

— Когда ты смеёшься, а не сидишь с таким лицом, будто пытаешься раскрыть преступление.

— Возможно, пытаюсь.

— Тогда позвони. У меня доступ к камерам.

— Это превышение полномочий.

— Я же обещал найти безопасный способ нарушить регламент.

Когда Максим свернул в её двор, Катя посмотрела на часы.

— Данилов.

— Лебедева.

— Теперь ты вернёшься домой почти к полуночи.

— Зато ты уже дома.

Он остановился возле подъезда и вышел раньше, чем Катя успела открыть дверь. К тому моменту, когда она выбралась из машины, Максим уже стоял рядом с большим тёмным зонтом.

— А говорил, что зонта нет, — сказала она.

— Это Лера говорила.

— Вы оба сегодня слишком много говорите.

— Завтра у тебя выходной?

Катя посмотрела на него.

— Зачем тебе?

— Хотел позвать поужинать.

Он произнёс это спокойно, без неловкой торжественности, и всё же Катя сразу поняла, что речь не о случайной чашке кофе после смены.

Максим несколько раз предлагал подвезти её, однажды помог донести до квартиры тяжёлую коробку, когда она переезжала, присылал поздравления на праздники и приносил в салон кофе во время инвентаризации. Всё это можно было считать дружелюбием.

Ужин — уже не совсем.

— Макс...

— Это не предложение руки и сердца.

— Лера добралась и до тебя?

— Я умею читать по лицу.

Катя поправила ремень сумки.

Максим ей нравился. С ним было легко. Она знала, как он пьёт кофе, что делает, когда злится, и почему носит в кошельке старый жетон из метро. Знала, что он не станет специально пугать молчанием и не будет смотреть так, будто видит в ней что-то, чего она сама ещё не заметила.

Возможно, именно поэтому сейчас ей не хотелось говорить «да».

— Завтра у меня выходной, — ответила Катя. — Но я правда устала. Давай не завтра?

Максим помолчал лишь секунду.

— Давай не завтра.

Он не спросил, когда. Не заставил её немедленно предложить другой день.

Катя благодарно улыбнулась.

— Спасибо, что довёз.

— Напиши, когда зайдёшь.

— Ты будешь видеть окно отсюда.

— Там восемь окон.

— Моё третье слева.

— Теперь буду знать.

— Вот это уже звучит тревожно.

— Иди домой, Лебедева.

До подъезда они дошли под зонтом Максима.

В прихожей горела одна тусклая лампа. Она поднялась на свой этаж, открыла дверь квартиры и только тогда услышала, как машина выехала со двора.

Телефон завибрировал раньше, чем Катя успела снять пальто.

Сообщение было не от Максима.

«Катюша, это тебя Максим привёз? Очень приятный мужчина. И машина всегда чистая».

Катя посмотрела на стену, отделявшую её квартиру от квартиры Тамары Григорьевны.

«Вы зачем в половине одиннадцатого смотрите в окно?»

Ответ пришёл сразу:

«Я цветы проверяла».

«В темноте?»

«Не уходи от вопроса».

Катя улыбнулась и убрала телефон.

В квартире было тихо и прохладно. Утром она оставила на сушилке полотенца, на спинке кресла — джинсы, которые собиралась убрать ещё два дня назад, а на кухонном столе — чистую кружку рядом с открытой пачкой печенья.

Ничего не изменилось за время её смены.

Только сама Катя принесла домой запах ювелирного салона, ноябрьского дождя и чужого дорогого парфюма, который почему-то всё ещё вспоминался слишком отчётливо.

Она собрала тёмные вещи, загрузила стиральную машину и нажала кнопку. Потом поставила чайник.

Телефон снова завибрировал.

На этот раз написал Максим:

«Дошла?»

«Нет. Пишу из параллельной реальности».

Три точки появились почти сразу.

«Там Вальери тоже владеет торговым центром?»

Катя закатила глаза.

«Спокойной ночи, Макс».

«Спокойной ночи, Кать».

Она положила телефон экраном вниз.

Чайник ещё не успел закипеть, когда Катя снова взяла его и открыла поиск.

Имя пришлось набирать только до середины. Система сама предложила продолжение.

Лоренцо Вальери.

На первой странице оказались сайт холдинга, несколько деловых интервью и фотографии с официальных мероприятий. Никаких подробностей личной жизни, случайных снимков или старых записей, которые обычно находились хотя бы на третьей странице. Даже короткая биография выглядела так, словно её несколько раз проверяли юристы.

Сорок два года.

Катя вернулась к фотографии.

— Нет, — сказала она вслух.

Тридцать семь — если очень постараться. Сорок — только потому, что мужчинам с дорогими часами люди охотно добавляли возраст вместе со статусом.

Она открыла интервью восьмилетней давности.

На фотографии Вальери стоял у стеклянной стены нового делового центра. Волосы были короче, костюм — светлее, но лицо почти не изменилось. Те же чёткие скулы, тот же сильный подбородок, тот же внимательный тёмный взгляд.

Катя увеличила изображение.

Восемь лет не были вечностью. Удачный свет, хороший уход, наследственность. Всё объяснялось.

Следующая фотография была сделана ещё раньше.

Лоренцо выглядел моложе — во всяком случае, должен был. Катя долго всматривалась, пытаясь найти разницу, и в конце концов решила, что линия возле рта стала чуть глубже.

Или ей просто хотелось её увидеть.

Чайник выключился.

Катя закрыла страницу, заварила чай и села за стол.

На внутренней стороне пальцев всё ещё оставалось ощущение чужой ровной прохлады.

Она потёрла руку о рукав свитера.

— Семейное кольцо, — напомнила себе Катя. — Плохое отопление. Хорошая генетика.

Из ванной донёсся шум стиральной машины.

Объяснений было достаточно.

Почему-то спокойнее не стало.

* * *

Из торгового центра Лоренцо уехал в половине одиннадцатого.

После салона управляющий попросил у него несколько минут и превратил их почти в сорок. Лоренцо выслушал доклад о новых арендаторах, согласовал замену подрядчика и отклонил идею перестроить центральный атриум ради ещё двух торговых площадей.

Всё это время перстень оставался у него на руке.

Управляющий ни разу на него не посмотрел.

В автомобиле Лоренцо снял кольцо и положил на ладонь. Под уличными фонарями потемневшее золото нена-

долго оживало, герб становился отчётливее, а потом снова исчезал в тени.

Он помнил этот герб новым.

Помнил глубокие линии на печатке и блеск металла до того, как время стёрло края. Помнил человека, который делал восковую форму и боялся поднять глаза, пока Лоренцо рассматривал готовую работу.

Не помнил только, как перстень исчез.

В его жизни осталось не так много вещей, про которые он мог сказать подобное.

Телефон завибрировал. На экране появилось имя Павла Руднева.

— Слушаю.

— Перстень у вас?

— Да.

Павел Андреевич негромко выдохнул. Для другого человека этот звук ничего бы не значил. Лоренцо услышал облегчение.

— Тогда документы по передаче я посмотрю утром.

— Посмотрите сейчас.

Пауза была короткой.

— Что именно вас интересует?

— Весь путь вещи. Кто владел коллекцией, кто представлял владельца, кто привёз её в салон. Откуда перстень появился в описи.

— Он указан в документах как часть коллекции.

— В тех, которые составили после оценки.

Павел замолчал.

— Вы уже видели первоначальную опись?

— Управляющий показал мне копию. Перстня в ней нет.

Лоренцо повернул кольцо. Возле внутреннего края оставались неровные буквы, замеченные Екатериной. Старые, почти стёртые. Слишком заметные для того, кто знал, что искать, и достаточно незаметные для всех остальных.

— Возможно, его обнаружили в одном футляре с другими изделиями и добавили позже, — сказал Павел.

— Возможно.

— Вы так не думаете.

— Я думаю, что вещи, исчезнувшие больше ста лет назад, не оказываются случайно в принадлежащем мне здании и не попадают именно к человеку, способному заметить почти стёртую гравировку.

У служебного выхода автомобиль замедлился перед шлагбаумом.

Под козырьком стояли двое.

Екатерину Лоренцо узнал по волосам. Даже в слабом свете они выделялись на фоне мокрого камня и тёмного стекла. Мужчина рядом держал над ней зонт и что-то говорил. На нём уже не было форменной куртки, но Лоренцо помнил его среди сотрудников службы безопасности.

Екатерина подняла голову и рассмеялась.

В салоне она смеялась так же — свободно, не думая о том,

кто может смотреть.

Лоренцо проводил их взглядом. Мужчина открыл перед ней пассажирскую дверь.

— Лоренцо? — напомнил о себе Павел.

— Я слушаю.

— Я подниму первоначальные документы и записи приёмки. Если перстень действительно добавили позже, придётся поговорить с сотрудниками салона.

Автомобиль с Екатериной тронулся от служебного входа и исчез за поворотом.

— С оценщиком, — продолжил Павел, — с директором и с девушкой, которая обнаружила гравировку.

— Екатериной Лебедевой.

На другом конце линии снова возникла короткая пауза.

Павел не задавал вопросов, если понимал, что ответ ему не нужен. Именно поэтому они работали вместе больше двадцати лет.

— Хорошо, — сказал он. — Я договорюсь на завтра.

— Не нужно.

— Вы не хотите с ней разговаривать?

Лоренцо надел перстень. Тяжёлое кольцо скользнуло на палец так же легко, как вечером в салоне.

— Я поговорю с ней сам.

— О перстне?

Лоренцо посмотрел на пустое место под козырьком.

— Сначала о перстне.

Глава 3

Кровь привезли Лоренцо домой около полуночи.

Закрытый термоконтейнер оставили в кабинете на низком столе возле камина. На крышке стояла эмблема частной медицинской службы, через которую много лет шли все поставки; внутри, в отдельных гнёздах, лежали три небольших флакона из тёмного стекла. На этикетках не было ни имён, ни адресов — только даты, номера и медицинские обозначения, понятные врачу.

Лоренцо достал один флакон, снял пломбу и налил кровь в тонкостенный бокал.

В электрическом свете она выглядела почти как очень тёмное вино. Разница была в запахе, который человек едва ли сумел бы уловить, и в тепле, медленно возвращавшемся под кожу уже после первого глотка.

Он пил не торопясь, стоя у окна. За стеклом мокрый Петербург распадался на огни, а тяжёлые шторы оставались раздвинутыми: до рассвета было ещё далеко. Утром их закроют, хотя ноябрьское солнце не могло причинить ему серьёзного вреда за несколько минут. Летом приходилось быть осторожнее.

Последний такой бокал он выпил девять дней назад. Интервал оставался в пределах нормы, установленной не врачом и не записями медицинской службы, а его собственным

телом задолго до появления первых холодильников.

Человеческая еда могла ненадолго приглушить пустоту, но не утоляла её. Кровь возвращала ясность зрения, ровную силу в мышцах и ту естественную тишину внутри, которую голод постепенно заменял раздражением. Для Лоренцо это не было ни лечением, ни ритуалом. В жизни другого мужчины такое место мог занимать бокал вина в конце долгого дня.

Телефон на столе завибрировал прежде, чем он допил.

Павел прислал четыре фотографии и одну строку:

«Перстня не было ни в описи владельца, ни на снимках коллекции перед отправкой».

На первой фотографии украшения лежали на сером столе ровными рядами: кольца, броши, запонки, два браслета — сорок семь предметов. На следующей коллекцию уже готовили к перевозке. Тёмные футляры стояли открытыми, возле каждого лежала бирка с номером.

Третий снимок сделали в салоне после предварительной оценки.

Предметов стало сорок восемь.

Перстень лежал у края кадра, отдельно от остальных мужских колец. На нём не было бирки.

Лоренцо поставил бокал и снял кольцо. Потемневшее золото закрыло часть фотографии, но даже теперь он мог безошибочно воспроизвести прежнюю глубину герба и блеск металла, ещё не стёртого чужими руками. Он помнил мастера, который делал восковую форму, и собственную печать,

впервые оставленную на горячем сургуче.

Павел ответил после первого гудка.

— Я поднял запись приёмки, — сообщил он вместо приветствия. — Коллекция приехала в девять сорок две. Упаковка не повреждена. Салон получил четыре футляра и сорок семь изделий по описи.

— Кто принимал?

— Старший консультант, Валерия Соколова. Она же присутствовала при вскрытии вместе с оценщиком. Екатерина подключилась позже, когда начали раскладывать изделия.

Лоренцо снова посмотрел на фотографию. В отражении стеклянной витрины едва различимо виднелась женская фигура в тёмно-зелёном платье. Екатерина стояла спиной к камере и держала длинный чёрный футляр.

Даже на размытом снимке её волосы невозможно было спутать с чужими.

— На записи видно, откуда появился перстень?

— Рабочий стол попадает в кадр не полностью. В момент, когда открывали чёрный футляр, его закрывает оценщик.

— Курьер оставался в кабинете?

— Десять минут, пока оформляли возвратный экземпляр акта. Лица почти не видно. Я запросил записи с других камер, но служба безопасности пока не ответила.

— Ответит.

Павел коротко помолчал.

— Мне пригласить Валерию и Екатерину на беседу?

— Нет. Я приеду сам.

— Когда?

Лоренцо надел перстень. Тяжёлое кольцо скользнуло на палец так же легко, как в салоне.

— В их следующую общую смену.

Павел не спросил, зачем для разговора с двумя сотрудниками ювелирного салона понадобился сам Лоренцо. За двадцать с лишним лет он научился отмечать необычность расположения паузой, не превращая её в лишний вопрос.

* * *

Через два дня Лоренцо увидел Екатерину раньше, чем она заметила его.

Он остановился за стеклянной стеной салона. Павел остался на несколько шагов позади и не напомнил, что управляющий торговым центром уже ждал их в своём кабинете.

За дальней витриной мужчина в дорогом сером пальто выбирал кольцо девушке лет двадцати пяти, почти не обращаясь к ней самой. Екатерина стояла напротив и слушала с тем спокойным вниманием, которое не было ни покорностью, ни согласием.

— Берём это, — сказал мужчина.

Она не потянулась за футляром.

— У этой модели рисунок идёт по всей шинке. Уменьшить размер без повреждения не получится.

— Она похудеет.

Девушка отвела взгляд. Екатерина посмотрела сначала на её руку, потом на мужчину, и на одно короткое мгновение по её лицу стало ясно, что настоящий ответ у неё есть — резкий, точный и совершенно не относящийся к ювелирным изделиям.

Она его не произнесла.

— Тогда лучше выбрать модель, которую при необходимости можно будет уменьшить позже, — спокойно сказала Катя. — Я покажу три похожих варианта.

Она положила рядом ещё три кольца и объяснила различия, не споря и не пытаясь сказать человеку больше, чем тот был готов услышать. Самого простого первой коснулась девушка.

— Вот это.

Мужчина недовольно посмотрел на неё, но достал карту.

Екатерина улыбнулась обоим одинаково вежливо. Лишь когда повернулась к кассе, напряжение на секунду появилось возле губ и сразу исчезло. В салоне каждое её движение оставалось точным: она не задевала локтем стекло, не путалась в узком проходе между стойками, не искала нужный футляр дольше положенного. Даже выбившуюся прядь убрала за ухо так, словно это тоже входило в правила обслуживания.

Лоренцо вошёл после того, как оплата прошла.

Екатерина подняла глаза. Удивление задержалось в них недолго, но он успел снова увидеть коричневые крапинки на зелёной радужке — те самые веснушки, которые будто не

остановились на её лице.

Рыжие волосы по-прежнему были собраны, хотя строгая причёска едва удерживала их тяжесть. Лоренцо поймал себя на воспоминании о том, как они рассыпались по её плечам после закрытия салона, и это воспоминание показалось неуместно отчётливым.

— Добрый вечер, господин Вальери.

— Добрый вечер, Екатерина.

Ирина Павловна вышла из кабинета почти сразу. За два дня она, очевидно, не стала меньше опасаться его визитов.

— Господин Вальери, мы вас не ожидали.

— Поэтому и не предупреждал. У меня появились вопросы по приёвке частной коллекции. Сначала к Валерии Соколовой.

Лера, стоявшая у кассы, невольно выпрямилась. Она была старше Екатерины по должности и, судя по документам, не допускала ошибок, но сейчас посмотрела на директора, прежде чем сделать шаг.

— Разумеется, — быстро сказала Ирина Павловна. — Пройдёмте в кабинет.

В небольшом помещении едва хватало места для четырёх человек. Ирина Павловна села за стол, Лера выбрала стул рядом и аккуратно положила ладони на колени. Лоренцо остался у стены; так ему было удобнее видеть обеих.

— Вы принимали коллекцию? — спросил он.

— Да. Курьер приехал в девять сорок две, я проверила

документы и внешнюю пломбу на упаковке. Повреждений не было.

Она отвечала чётко, но после каждой фразы едва заметно переводила взгляд на директора, словно проверяла, не сказала ли лишнего.

— Кто вскрыл упаковку?

— Я, при оценщике. Курьер стоял возле двери.

— Вы сверяли изделия с описью?

— Количество и номера футляров. Отдельные украшения проверял оценщик. Простите, я должна была...

— Вам не за что извиняться, — остановил её Лоренцо. — Это обычный порядок приёмки?

— Да.

Плечи Леры немного опустились. Она подумала и добавила уже увереннее:

— Только курьер был не тот, который обычно привозит частные коллекции. Я решила, что его заменили.

— Почему?

— У него были все документы. И он назвал имя представителя владельца, прежде чем я успела спросить.

— Он прикасался к футлярам после вскрытия?

— Не видела. Я выходила сделать копию акта, но оценщик оставался в кабинете.

— Как долго вас не было?

— Минуту. Может быть, полторы.

Лера нахмурилась, стараясь восстановить утро не по об-

щему впечатлению, а по отдельным действиям.

— Когда я вернулась, длинный чёрный футляр уже был открыт, — сказала она. — В нём лежали запонки и два мужских кольца. Перстня я тогда не заметила. Но я могла смотреть в документы.

— Кто заметил?

— Катя. Она увидела, что на перстне нет бирки, а потом нашла гравировку.

Лера произнесла это без попытки разделить с подругой заслугу и без страха, что собственная невнимательность теперь выглядит хуже. Лоренцо отметил и это.

— Курьер что-нибудь спрашивал?

— Когда будет готова оценка. Я сказала, что такие сведения сообщают владельцу коллекции или его представителю.

— Как он отреагировал?

— Никак. Поблагодарил и ушёл.

Лоренцо задал ещё несколько вопросов: одежда, голос, манера говорить, документы, подпись. Лера отвечала старательно и каждый раз оставляла короткую паузу, чтобы не выдать предположение за факт. Она была внимательнее, чем решила сама, и нервничала не потому, что что-то скрывала, а потому, что слишком хорошо понимала его положение.

Поблагодарив её, Лоренцо попросил пригласить Екатерину.

Катя вошла не сразу. Через стеклянную стену было видно, как она закончила объяснять что-то покупателям, передала

футляр Рите и только после этого направилась в кабинет.

— Лер, закончишь оформление? — спросила она у двери.

— Да, конечно.

Только услышав ответ, Катя вошла. Лоренцо открыл перед ней дверь, и она чуть замедлилась, будто не ожидала этого от владельца торгового центра.

Ирина Павловна осталась за столом.

— Я хотел бы поговорить с Екатериной отдельно, — сказал Лоренцо. — Важно, чтобы воспоминания сотрудников не смешивались.

Катя посмотрела не на него — на директора.

— Если Ирина Павловна не возражает.

— Конечно, — ответила та после короткой паузы. — Мы будем в зале.

Когда дверь закрылась, кабинет стал тише. Из салона доносилась инструментальная музыка, приглушённая стеклом и стенами, а тёплый свет настольной лампы делал волосы Екатерины ещё ярче.

Лоренцо не сел во главе стола. Выбрал обычный стул у стены, оставив ей второй.

— Вы всегда ждёте разрешения директора? — спросил он.

— Когда разговор проходит в её кабинете и в моё рабочее время — да.

— Даже если вас просит владелец здания?

— Особенно если меня просит владелец здания. Вы мо-

жете уехать и забыть этот разговор, а я завтра снова выйду сюда на смену.

Она сказала это без обиды и без желания поставить его на место — как очевидный факт, который следовало учитывать им обоим. Лера боялась случайно перейти невидимую границу; Екатерина сначала определила, где она проходит, и только потом вошла.

Лоренцо вспомнил мужчину у витрины.

— Вы хотели сказать тому клиенту что-то другое.

Катя чуть прищурилась.

— Вы пришли поговорить о перстне.

— Я заметил.

— Я тоже заметила, что вы заметили.

— И всё же не сказали.

— Он не спрашивал моего мнения о своих отношениях.

Он спросил, можно ли уменьшить кольцо.

— Вы хорошо чувствуете границу.

— За три года в торговле либо начинаешь её видеть, либо долго нигде не работаешь.

Уголок его рта дрогнул. Катя посмотрела на него внимательнее, и в её глазах вместе с коричневыми крапинками появилось почти детское торжество.

— Вот теперь я уверена.

— В чём?

— В прошлый раз мне показалось, что вы улыбнулись.

— Это настолько невероятно?

— Ирина Павловна после вашего отъезда провела нам отдельный инструктаж. По её версии — почти.

— Я создал вам неприятности?

— Нет. Вы их только очень дорого одели.

На этот раз он улыбнулся открыто. Катя тоже, но первой вернулась к делу:

— Что случилось с перстнем?

Лоренцо положил перед ней телефон с фотографиями коллекции.

— Его не было в первоначальной описи и на снимках, сделанных перед отправкой.

Улыбка исчезла с её лица. Катя пролистала фотографии, увеличила каждую и задержалась на той, где украшения лежали перед упаковкой.

— Кто снимал?

— Представитель владельца.

— Вы ему верите?

— Нет.

Она подняла глаза.

— Тогда фотографии ничего не доказывают. Их могли сделать раньше, убрать перстень из кадра или просто не показать содержимое одного футляра.

Павел сформулировал бы то же самое осторожнее и потратил бы втрое больше слов.

— Продолжайте.

— Коллекцию привезли запечатанной?

— Да.

— Значит, либо перстень положили до упаковки, либо кто-то сумел заменить пломбу. В салоне его было бы глупо подбрасывать: слишком много людей и камер.

— Вы помните, где впервые его увидели?

Катя отдала телефон и на несколько секунд закрыла глаза. Лоренцо не торопил её. Под веками едва заметно двигались зрачки, будто она действительно возвращалась в тесный кабинет, к четырём футлярам и серому ноябрьскому утру.

— На столе стояли два тёмно-синих футляра, один красный и длинный чёрный. Оценщик попросил меня перенести уже просмотренные изделия в лоток. Перстень лежал в чёрном — рядом с запонками и двумя мужскими кольцами.

— Лера его не видела.

— Она принимала коробки и документы. Украшения раскладывал оценщик.

— На перстне была бирка?

— Нет. Поэтому я и взяла его отдельно. На всех остальных изделиях стояли номера из описи, а на нём — ничего.

— Футляр открывали при вас?

— Нет. Когда я вошла, он уже был открыт.

Катя потянулась к телефону и снова приблизила одну из фотографий.

— Посмотрите на чёрный футляр. Здесь под запонками виден бархат. А в салоне вставка лежала неровно, один край был чуть выше другого. Я решила, что её плохо вернули по-

сле осмотра.

— Перстень мог находиться под ней?

— Мог. Тогда на фотографии его действительно нет, упаковка остаётся целой, а в салоне он появляется. Но это уже не случайность. Кто-то положил его так, чтобы при обычной сверке не заметили, а при внимательной оценке нашли.

Она произнесла последнее медленнее и посмотрела на кольцо на его руке.

— Похоже, его хотели вернуть именно вам.

— Похоже.

— А вы не рады.

— Я не люблю подарки, смысл которых мне не объяснили.

— Особенно если подарок сначала у вас украли?

Вопрос попал слишком близко. Лоренцо поднял взгляд, и Катя сразу поняла это по его лицу.

— Простите, — сказала она. — Это уже не моё дело.

— Вы умеете останавливаться.

— Иногда даже вовремя.

Лоренцо снова открыл снимок чёрного футляра. Версия Екатерины была простой и потому гораздо убедительнее попытки добавить кольцо в салоне под камерой.

— Мне нужны записи с других камер, — сказал он.

— Тогда вам нужен Максим Данилов. Он старший смены охраны и знает, какие записи сохраняются дольше.

Она назвала фамилию только после должности, словно заранее отделила человека, которого знала, от сотрудника, ко-

торый мог быть полезен ему.

— Он часто вас подвозит?

Катя медленно подняла брови.

— Это тоже связано с перстнем?

— Нет.

— Тогда, наверное, не стоит смешивать вопросы.

Ответ прозвучал вежливо, но отказ был совершенно ясным.

— Хорошо.

Она, кажется, ожидала, что он будет настаивать. Когда этого не произошло, её плечи едва заметно расслабились.

Лоренцо достал из внутреннего кармана карточку и положил рядом с телефоном. На ней были только имя и номер.

— Если вспомните что-нибудь ещё, позвоните мне.

Катя перевернула карточку. Обратная сторона была пустой.

— Ни должности, ни названия компании.

— Они вам нужны?

— Нет. Просто обычно люди вашего положения стараются написать его как можно крупнее.

— Людям моего положения редко приходится объяснять, кто они.

— Тогда вам особенно не повезло встретить меня.

Она провела пальцем по краю карточки, не убирая её в карман.

— Я пока так и не поняла, кто вы.

Она не вкладывала в вопрос ничего сверхъестественного. Имела в виду владельца торгового центра, человека с охраной, мужчину, который вернул себе потерянное больше века назад и теперь лично расспрашивал продавца-консультанта.

Правдивый ответ всё равно был невозможен.

— Лоренцо, — сказал он.

Катя не отвела взгляд.

— Господин Вальери.

— Вы отказываетесь называть меня по имени?

— Откладываю.

— До какого момента?

— До того, когда это перестанет звучать как просьба владельца здания, в котором я работаю.

Ему не понравилось, что она так быстро напомнила о его положении и поставила между ними весь торговый центр. Ещё меньше — что она была права.

Лоренцо встал.

— Хорошая привычка.

Катя тоже поднялась.

— Знать своё место?

— Не соглашаться раньше, чем вы этого хотите.

Она посмотрела на него так, будто снова искала в его словах второе значение. Вблизи коричневые точки в её глазах были видны особенно отчётливо, и Лоренцо пришлось напомнить себе, что он приехал сюда из-за перстня.

— До свидания, господин Вальери.

— До свидания, Екатерина.

Ирина Павловна стояла у центральной витрины и делала вид, что проверяет выкладку. Лера делала вид хуже.

Катя вышла первой. Лоренцо задержался на пороге:

— Екатерина.

Она обернулась.

— Я не подавал на вас жалобу.

— Я знаю.

— Откуда?

— Если бы подали, Ирина Павловна говорила бы со мной не десять минут, а сорок.

Он улыбнулся снова, и на этот раз Катя успела заметить.

За пределами салона Павел посмотрел на часы.

— Управляющий ждёт нас двадцать три минуты.

— Он переживёт.

— Вы узнали что-нибудь полезное?

Лоренцо повернул перстень на пальце.

— Кольцо, вероятнее всего, спрятали под вставкой футляра ещё до отправки. Проверьте представителя владельца, не только курьера.

— Екатерина заметила?

— Да.

Павел ничего не сказал, но Лоренцо услышал вопрос в короткой паузе и не оставил для него места.

— Получите записи у Данилова и восстановите путь чёрного футляра. В салон мне больше возвращаться незачем.

Он произнёс это как окончательное решение. Перстень вернулся, показания сотрудников были записаны, а дальнейшее расследование не требовало ни зелёных глаз с коричневыми крапинками, ни тяжёлых рыжих волос, которые Екатерина распускала после смены.

Обычно ещё раньше он успевал понять, чем могло бы продолжиться знакомство. Желание, осторожность, увлечение и скука за столетия сменяли друг друга в слишком знакомом порядке.

Лоренцо умел забывать людей.

Для большинства ему хватало нескольких минут.

Глава 4

К последнему воскресенью ноября история с перстнем начала занимать в Катиной жизни положенное ей место — где-то между странным случаем на работе и вопросом, на который она всё равно не могла ответить.

После разговора с Лоренцо прошло шесть дней. За это время Катя отработала три смены, продала серьги женщине, которая выбирала их себе на сорокалетие, дважды переставила витрину с мужской коллекцией и один раз почти поссорилась с поставщиком из-за перепутанных бирок. Павел Руднев получил записи с дополнительных камер, Ирина Павловна составила объяснительную на четырёх страницах, а Лера ещё два дня вспоминала, всё ли правильно сказала владельцу торгового центра.

Сам Лоренцо больше не появлялся.

Его карточка лежала во внутреннем отделении Катиного кошелька. Она не позвонила и ничего нового не вспомнила, хотя однажды поймала себя на том, что пытается восстановить выражение его лица после слов о подарке, который сначала украли. Катя закрыла эту мысль вместе с кошельком и решила, что любопытство не считается причиной беспокоить человека по личному номеру.

В воскресенье у неё были дела важнее. Полка над кухонным столом окончательно накренилась.

Катя заметила это ещё утром, когда банка с кофе медленно поехала к краю, будто собиралась покинуть квартиру без предупреждения. Банку она поймала. Полку сняла, поставила возле стены и следующие двадцать минут пыталась понять, почему один дюбель держится намертво, а второй выходит из стены вместе с кусочком штукатурки.

К половине одиннадцатого кухня выглядела так, словно в ней затеяли ремонт и быстро потеряли веру в себя. На столе лежали отвёртка, рулетка и два неподходящих шурупа; под ногами стояла коробка с книгами, которые Катя собиралась поднять с пола после переезда. Сам переезд случился семь месяцев назад.

Рыжие волосы Катя стянула первой попавшейся резинкой, но тяжёлый хвост уже выбил несколько прядей у висков. Одна прилипла к щеке, когда она в третий раз подняла голову к полке.

Она как раз поднялась на табурет, чтобы осмотреть оставшееся отверстие, когда в дверь позвонили.

— Открыто! — крикнула Катя.

— А если это грабители? — отозвалась из прихожей Тамара Григорьевна.

— Тогда они очень вежливые.

Хозяйка квартиры, жившая этажом ниже, поднялась с первого этажа и вошла на кухню с тарелкой яблочного пирога, прикрытой чистым полотенцем. Поверх домашнего платья она накинула длинный вязаный кардиган, а седые воло-

сы собрала в высокий пучок, который держался на одной шпильке и уверенности своей хозяйки.

Тамара Григорьевна посмотрела на Катю, потом на снятую полку.

— Только не говори, что решила сверлить.

— Не решила. Пока угрожаю.

— Эту стену нельзя пугать. Она от страха осыпается.

Катя слезла с табурета и приняла пирог.

— Я позвала Андрея. У него дрель, терпение и опыт общения с недвижимостью старше нас обоих.

— Андрей — это хорошо. Он в прошлый раз шкаф не уронил.

— Очень высокая оценка мужчины.

— После шестидесяти начинаешь ценить надёжность.

Тамара Григорьевна смахнула со стола крошки штукатурки и поставила тарелку на освободившееся место.

— За квартиру до пятого, Катюша.

— Я помню.

— Я знаю, что помнишь. Поэтому напоминаю без скандала.

Забота у Тамары Григорьевны никогда не отменяла арифметики. Она могла принести пирог, оставить у двери банку солёных огурцов и полить Катину герань, когда та пару раз уезжала на выходные, но деньги за квартиру ждала в оговорённый день. Кате это нравилось. Чёткие правила были удобнее доброты, за которую однажды могли предъявить счёт.

— А тот мужчина с чистой машиной больше не приезжал?

— спросила Тамара Григорьевна, уже направляясь к двери.

— Вы шесть дней держали этот вопрос в себе?

— Я соблюдала личные границы.

— Максим работает допоздна.

— Это не ответ.

— Другого пока нет.

Тамара Григорьевна вздохнула так, будто Катя снова отказалась участвовать в хорошо продуманном плане, и вышла.

Через несколько минут в прихожей стало тесно сразу от четырёх человек, зимних курток и большой синей сумки с инструментами.

Андрей приехал не один. Рядом с ним стоял Костя — худой восьмилетний мальчик в шапке с помпоном и очках, запотевших после улицы. За их спинами Оксана поправляла ремень своей сумки и пыталась одновременно прочитать сообщение на телефоне.

— Мы ненадолго, — сказала она Кате вместо приветствия. — Мне только передать ребёнка вместе с инструкцией по эксплуатации.

— Я умею сам эксплуатироваться, — возразил Костя.

— Вот это меня и пугает.

Оксана убрала телефон. Она была невысокой, тонкой и всегда собранной — от гладкого хвоста до аккуратных тёмных ботинок. Рядом с ней Андрей казался ещё более растрёпанным, чем обычно. Светлые волосы он, вероятно, пытался

пригласить в машине, но они уже вернулись в прежнее положение.

— До восьми? — спросил он.

— До половины девятого, если без пробок. Завтра школа.

— Я помню.

— Математику нужно сделать сегодня.

— Я тоже помню.

Костя снял очки и начал протирать их краем свитера.

— Тетрадь у меня в рюкзаке, — сообщил он. — Мама положила сверху, чтобы папа не смог сказать, что не нашёл.

Андрей посмотрел на бывшую жену.

— У тебя очень высокое мнение обо мне.

— Оно основано на девяти годах наблюдений.

В её голосе не было злости, но осталось что-то от прежних разговоров, которые они оба помнили целиком. Андрей не стал отвечать. Забрал у сына рюкзак и проверил молнию на боковом кармане.

— Ингалятор здесь?

— Здесь, — кивнула Оксана. — Он не нужен уже три месяца, но...

— Я возьму.

Она чуть заметно расслабилась. Катя увидела это именно потому, что знала их обоих давно: Андрей слышал не недоверие, а тревогу, и впервые за утро не попытался отшутиться.

— В четверг выступление в шесть, — напомнила Оксана.

— Буду.

— Не к семи?

— К половине шестого. Я поставил в календарь.

Оксана кивнула, присела перед сыном и поправила ему шарф. Костя терпел секунд пять, потом отступил.

— Мам, я не на Северный полюс.

— На Северном полюсе хотя бы нет сквозняка у Кати в подъезде.

— Всё, иди, — сказал Андрей. — Мы справимся.

— Я знаю. Поэтому и ухожу.

Она улыбнулась Кате, попрощалась и быстро спустилась по лестнице. Андрей закрыл дверь только после того, как внизу хлопнула тяжёлая подъездная створка.

Их развод был завершён два года назад, но до лёгкости они пока не дошли. Зато научились не выяснять прошлое при Косте, не использовать опоздания как повод вспомнить всё остальное и заранее договариваться, кто сидит с ним на больничном. Иногда это выглядело почти как дружба. Иногда — как очень вежливое перемирие.

— Я принёс дрель, — объявил Андрей, будто теперь можно было вернуться к простой части дня.

— А я принёс уровень, — добавил Костя.

— Уровень тоже мой.

— Но нёс его я.

— Тогда полка спасена, — сказала Катя.

На кухне Андрей осмотрел стену и сразу забраковал оба

Катиных шурупа. Костя разложил инструменты по размеру и потребовал разрешить ему держать пылесос, пока отец будет сверлить. Катя накрыла пирог другим полотенцем, переставила чашки на подоконник и отошла в дверной проём.

— Ты всегда ремонтируешь одну полку втроем? — спросила она.

— Это бригада. Не мешай профессионалам.

— Профессионалы семь месяцев обещали приехать.

— У профессионалов был плотный график.

— Он смотрел футбол, — пояснил Костя.

Дрель заглушила ответ Андрея.

Через сорок минут полка висела ровно. Андрей несколько раз надавил на неё ладонью, Костя следил за пузырьком уровня, а Катя по одной расставляла книги, стараясь не перегружать край.

— Теперь можно пирог, — решил Костя.

— Ты ради него приехал?

— Я не знал, что он будет. Это удача.

Катя поставила чайник и достала три кружки. На работе она могла подать клиенту поднос с кольцами стоимостью в её годовую зарплату, не задев ни одну витрину. Дома ей хватило открытой сумки с инструментами.

Она зацепилась носком за ремень, качнулась и выплеснула половину чая на пол. Кружку удержала, но локтем толкнула дверцу кухонного шкафа, которую сама же оставила открытой.

На несколько секунд стало тихо.

— Больно? — спросил Андрей.

— Только достоинству.

Костя серьёзно посмотрел на лужу.

— На работе ты тоже так?

— На работе мебель знает своё место.

— Сумка тоже знала, — сказал Андрей. — Она стояла на полу.

Катя бросила в него полотенцем. Он поймал его одной рукой и всё-таки вытер чай.

За столом Костя съел два куса пирога, получил отказ на третий и открыл тетрадь по математике. Андрей подвинулся ближе, прочитал задачу и предложил сыну нарисовать условие. Он не торопил и не подсказывал ответ, даже когда Костя трижды пересчитал одни и те же яблоки. Катя смотрела на них поверх кружки.

В школе Андрей терпеть не мог математику. В девятом классе он списал у неё контрольную вместе с фамилией в верхнем углу и потом долго доказывал учителю, что просто очень волновался.

— Ты научился объяснять задачи, — сказала Катя.

— Я научился не говорить: «Что тут непонятного?»

— После того как сам сказал? — спросил Костя, не отрываясь от рисунка.

— После того как твоя мама посмотрела на меня.

— Как?

— Как человек, который выбирает место для захоронения.

Костя хихикнул. Катя заметила, что Андрей тоже улыбается, хотя воспоминание наверняка было не таким смешным, как стало теперь.

Пока сын решал последний пример, Андрей собрал инструменты и кивнул на Катин телефон.

— Ну и как там человек с чистой машиной?

— Тамара Григорьевна успела тебе написать?

— Она встретила нас внизу. Сказала, что я хороший друг, но это не должно мешать тебе устраивать личную жизнь.

— Когда-нибудь я перееду только ради того, чтобы вы перестали обсуждать меня без посредников.

— Не перестанем. Будем созваниваться.

Катя отрезала себе тонкую полоску пирога и сразу разделила её пополам.

— Максим позвал меня поужинать.

— А ты?

— Попросила не в тот день.

— То есть отказала в форме, после которой нельзя обвинить тебя в отказе.

— Я правда устала.

— Верю. Ты хочешь с ним ужинать?

Катя задумалась. Максим ей нравился — это не изменилось. Они не раз обедали вместе, когда совпадали перерывы, пили кофе возле комнаты охраны и доедали на ходу то, на

что оставалось десять минут. Но все эти встречи принадлежали рабочему дню. Во вторник они впервые договорились увидеться после смены именно ради ужина, и оба понимали, что это будет первое свидание. В его приглашении не было ничего тревожного, а в возможном вечере — ничего такого, чего следовало избегать. И всё же каждый раз, когда Катя пыталась его представить, он выглядел слишком заранее понятным.

— Наверное, да.

— Очень убедительно.

— Андрей.

— Всё. Это не моё дело.

Он действительно замолчал и начал складывать отвёртки в боковой карман сумки. Это было одним из качеств, за которые Катя держалась за их дружбу столько лет: Андрей мог спросить прямо, но не считал, что близость даёт ему право распоряжаться ответом.

Костя закончил задачу и ушёл в комнату выбирать фильм. Через минуту оттуда донёсся его возмущённый голос:

— Катя, у тебя опять интернет не работает!

— Он устал.

— Он всегда у тебя устаёт!

— Скажи ему, что это выходной.

Андрей рассмеялся и полез к роутеру. Катя открыла кошелек, чтобы достать записку с паролем, которую носила с собой после последнего сброса настроек. Вместе с чеками на

стол выскользнула белая карточка.

Андрей поднял её раньше.

— Лоренцо, — прочитал он. — Просто Лоренцо?

— Просто не читай чужое.

Он перевернул карточку и увидел пустую оборотную сторону.

— Это тот владелец торгового центра?

— Да.

— Он раздаёт продавцам личный номер?

— Думаю, очень редко. Попросил позвонить, если я что-нибудь вспомню про перстень.

— Ты вспомнила?

— Нет.

Андрей протянул карточку, но не отпустил сразу.

— И всё-таки носишь с собой.

— Я положила её в кошелёк на работе.

— Шесть дней назад.

— У тебя математика не закончилась?

Он посмотрел на неё внимательнее. Обычно Андрей первым превращал любой разговор в шутку; сейчас не стал.

— Кать, тебе этот человек нравится?

— Я видела его два раза.

— Это не ответ.

Она провела пальцем по гладкому краю карточки. Перед глазами почему-то снова появились тёплый свет в кабинете и коричневое дерево стола, на котором лежал телефон с фо-

тографиями. Потом — тёмные глаза Лоренцо, задержавшиеся на ней после предложения называть его по имени.

— Он меня озадачивает, — сказала Катя.

— Это уже хуже.

— Почему?

— Людей, которые просто нравятся, ты умеешь не замечать годами. Если тебя кто-то озадачил, ты полезешь разбираться.

— Я никуда не полезу.

— Хорошо.

— Ты мне не веришь?

— Верю, что сейчас ты так думаешь.

Катя забрала карточку и убрала обратно в кошелёк.

— Он больше не придёт. У него не осталось причин.

— Тогда проблема решена.

Андрей сказал это легко, но ещё секунду смотрел на закрытый кошелёк. Потом нашёл записку с паролем, подключил телевизор и позвал Костю выбирать фильм.

Они остановились на старой комедии, которую Андрей знал почти наизусть, а Костя видел впервые. Он смеялся раньше шуток, потому что отец начинал смеяться заранее, и к середине фильма сполз с кресла на ковёр. Катя принесла бутерброды, села на пол рядом и позволила Косте взять третий кусок пирога, когда Андрей отвернулся.

К вечеру квартира стала похожа на место, где живёт гораздо больше одного человека. На спинках стульев висели

две чужие кофты, под столом лежал Костин рюкзак, на кухне сохли четыре тарелки, хотя их было трое: Андрей умудрился взять новую, не заметив свою на подоконнике.

В половине девятого приехала Оксана.

Костя встретил её в прихожей рассказом о полке, фильме и том, что чай на этот раз пролила Катя, а не он. Андрей вынес рюкзак, показал решённые задачи и отдельно положил в боковой карман ингалятор.

— Он не понадобился, — сказал Андрей.

— Хорошо. Спасибо.

— В пятницу смогу забрать его после школы, если у тебя всё ещё врач.

Оксана удивлённо посмотрела на него.

— Я думала, ты забыл.

— Нет. Перенёс встречу.

Между ними возникла короткая пауза. Когда-то в ней обязательно появился бы спор о том, кто чаще забывал, переносил и подводил. Теперь Оксана только кивнула.

— Тогда я напишу классной.

Костя обнял Катю, забрал контейнер с последним куском пирога и вышел вместе с матерью. Андрей задержался, застёгивая сумку с инструментами.

— Ты хороший отец, — сказала Катя.

Он не ответил шуткой. Посмотрел на закрывшуюся дверь и пожал плечом.

— Не всегда был.

— Никто не умеет сразу.

— Оксана могла бы поспорить.

— Но не стала.

Андрей усмехнулся и надел куртку.

— Мы учимся разговаривать о Косте, не обсуждая заодно весь брак. Иногда даже получается.

— Сегодня получилось.

— Сегодня были свидетели.

Катя обняла его на прощание. Быстро и привычно, как обнимала много лет — без той доли секунды, когда людям приходится решать, что означает прикосновение.

Когда дверь за Андреем закрылась, квартира сразу стала больше и тише. Катя собрала кружки, убрала с пола оставшиеся опилки и проверила новую полку. Та держалась ровно, хотя книги занимали только половину.

На телефон пришло сообщение от Максима:

«Ужин во вторник ещё можно предложить второй раз или лимит исчерпан?»

Катя улыбнулась.

«Можно. Только без торжественной музыки и кольца в десерте».

Ответ появился почти сразу:

«Кольца после этой недели запрещены техникой безопасности».

Они договорились встретиться после её смены. Катя внесла ужин в календарь, поставила телефон на зарядку и только

потом заметила на столе кошелёк.

Белый край карточки Лоренцо выглядывал из внутреннего отделения.

Катя задвинула её глубже и закрыла кошелёк.

Во вторник она собиралась ужинать с хорошим, понятным мужчиной. Лоренцо Вальери получил свой перстень и исчез из её жизни так же внезапно, как вошёл.

Именно этого Катя от него и ожидала.

Глава 5

Во вторник вечером Лоренцо снова приехал в торговый центр и ни разу не поднялся на третий этаж.

Встречу с управляющим, которую пришлось отложить из-за разговора в ювелирном салоне, перенесли на девять. Она проходила в административной части здания, за матовыми стеклянными дверями, откуда не было видно ни витрин, ни галерей.

Холдинг недавно выкупил соседний участок вместе со старым офисным корпусом. Теперь к торговому центру можно было пристроить ещё одно крыло, перенести служебные зоны и полностью изменить галерею, которую управляющий раньше предлагал расширить за счёт центрального атриума.

Обычно участие Лоренцо в подобных проектах ограничивалось двумя подписями: под покупкой и под окончательной концепцией. Он давно не выбирал, где должны проходить переходы, сколько входов выдержит фасад и в каком месте поток людей перестанет работать. Для этого существовали Павел, архитекторы и управляющие.

Но прежнее предложение было слишком мелким, а соседний участок делал задачу сложнее. Лоренцо решил, что один проект можно посмотреть изнутри. Возможно, после многих лет, в течение которых ему приносили только готовые решения, это даже окажется интересно.

За час и сорок минут он просмотрел три варианта реконструкции, отверг перенос главного входа и попросил посчитать, можно ли сохранить атриум, не теряя полезную площадь.

Он знал, что Екатерина работает сегодня до закрытия.

Это знание ничего не меняло. В торговом центре одновременно находились больше двухсот сотрудников, и расписание одного продавца-консультанта не имело отношения ни к соседнему участку, ни к будущей галерее. Лоренцо не спрашивал, кто дежурит в салоне, не открывал камеры третьего этажа и не выбрал дорогу мимо витрин, когда встреча закончилась.

Решение, принятое восемь дней назад, оставалось в силе.

В подземный паркинг они спускались вместе с Павлом. Управляющий остался наверху объяснять заместителю, почему владелец здания лично обнаружил в отчёте два помещения с одинаковым номером.

— Курьера нашли, — сказал Павел, когда двери лифта закрылись.

— Настоящего?

— Мужчина на записи существует. Артём Куров, двадцать семь лет, берёт разовые заказы через службу доставки. Ему предложили двойной тариф за перевозку частной коллекции и прислали готовый пакет документов. Коробки он забрал уже запечатанными.

— Где?

— В квартире на Васильевском острове. Её сняли на трое суток по чужому паспорту. Камеры в подъезде в ту неделю не работали.

Лоренцо посмотрел на своё отражение в металлической створке лифта. Перстень тяжело лежал на правой руке, словно за прошедшее столетие успел стать массивнее.

— Почему салон принял Курова за сотрудника постоянного перевозчика?

— На момент доставки он был внесён в базу подрядчика. Запись появилась за час до того, как он приехал, и исчезла вечером того же дня. В основном журнале её уже нет. Служба безопасности нашла копию в резервном архиве.

— Доступ?

— Учётная запись одного из руководителей. Он утверждает, что никому не передавал пароль.

— Разумеется.

Лифт остановился. Павел пропустил Лоренцо вперёд и продолжил уже в паркинге:

— Куров не знает, кто его нанял. Переписка шла через временный аккаунт, оплату провели с карты, оформленной на человека, умершего четыре года назад. Пока всё.

— За ним наблюдают?

— Да. Он испуган, но, похоже, только потому, что понял, кому принадлежала коллекция.

— Не трогайте его. Тот, кто вернул кольцо, не пытался скрыть, что вошёл в наши системы. Напротив, хотел, чтобы

мы нашли каждый след.

— Предупреждение?

Лоренцо повернул перстень. Под ровным светом паркинга потемневший герб казался почти плоским.

— Напоминание.

Чего именно ему следовало опасаться, отправитель пока не объяснил. Он показал, что помнит старую вещь, знает её владельца и способен провести чужого человека через современную систему охраны. Этого было достаточно, чтобы усилить наблюдение. Недостаточно, чтобы запереться в доме и ждать следующего хода.

У выезда из паркинга горели аварийные огни. Поперёк одной полосы стоял фургон доставки с поднятым капотом, вторую перекрывали сотрудники охраны. Водитель Лоренцо ждал у машины.

— Шлагбаум заклинило после скачка напряжения, — сообщил он. — Фургон заглох прямо на выезде. Минут пятнадцать, возможно, двадцать.

— Подайте машину к входу со стороны набережной.

— Объезд займёт примерно столько же.

— Я дойду.

Павел посмотрел на мокрый пандус, по которому ветер загонял в паркинг дождь, но спорить не стал. Его машина стояла на другом уровне, и у лифта они разошлись.

Лоренцо поднялся на улицу через служебный выход. За время встречи мелкий дождь стал плотнее, ветер гнал его

вдоль фасадов, забираясь под воротник пальто. До входа со стороны набережной было не больше десяти минут пешком. Он мог дожидаться машины в тёплом холле, однако после двух часов искусственного света и чужих отчётов предпочёл улицу.

Екатерину он увидел через дорогу.

Сначала узнал волосы. Она сидела у окна небольшого кафе, распустив их после смены, и тёплый медный цвет выделялся даже за мокрым стеклом. Напротив устроился Максим Данилов. Его куртка висела на спинке соседнего стула, на столе стояли приборы и два ещё пустых бокала.

Екатерина что-то сказала. Данилов рассмеялся, она тоже — свободно, не прикрывая улыбку вежливостью, которой встречала покупателей.

Лоренцо замедлил шаг.

Он видел её вне салона только однажды, несколько минут после закрытия. Тогда она была уставшей, промокшей и всё ещё настороженной из-за его вопросов. Сейчас перед ним находилась женщина, которая пришла ужинать с мужчиной, знала, над чем тот будет смеяться, и не ждала появления владельца торгового центра.

Машина ещё не подъехала.

Дождь усилился.

На доске у окна обещали эспрессо неаполитанской обжарки. Лоренцо давно не пил такого кофе и мог взять один с собой, пока ждал машину. Заказывать еду, садиться за столик

или подходить к Екатерине для этого не требовалось.

Объяснение оставалось вполне убедительным до тех пор, пока дверь кафе не закрылась за его спиной.

Внутри пахло кофе, тёплым хлебом и корицей. Помещение оказалось теснее, чем выглядело с улицы: шесть столов, узкий проход возле стойки, мокрые зонты в высокой подставке. Музыка играла чуть громче, чем следовало, а на доске над кассой мелом были написаны названия блюд, половину которых уже стёрли.

Данилов вернулся к столику за телефоном. Екатерина осталась у стойки ждать кофе и продолжала говорить, повернувшись к нему через плечо.

— Если ты сейчас скажешь, что предупреждал, я уйду домой.

— Я ещё ничего не сказал.

— Но уже приготовился.

Бариста поставила перед ней две чашки. Екатерина взяла по одной в каждую руку, сделала шаг назад и увидела Лоренцо.

Удивление появилось раньше осторожности.

— Господин Вальери?

Носок её ботинка зацепился за металлическую опору стула.

В салоне Екатерина могла провести между хрупкими бокалами поднос с украшениями и не коснуться ни одного. Здесь ей хватило одного неверного шага. Кофе плеснул че-

рез край первой чашки, а сама она попыталась одновременно удержать обе и вернуть равновесие.

Лоренцо успел поймать её за талию.

Чашку он не поймал.

Горячий кофе выплеснулся ему на пальто и светлую рубашку. Фарфор ударился о пол и раскололся, вторую чашку Екатерина каким-то необъяснимым образом удержала.

Несколько мгновений Екатерина стояла, прижав одну ладонь к его груди. Под другой рукой Лоренцо чувствовал её талию, тепло тела и быстрое биение сердца. Запах кофе смешался с запахом дождя в её волосах и живой крови под кожей, но голод здесь был ни при чём. Он пил накануне.

От этого собственное внимание становилось только менее объяснимым.

— Я вас отпущу, — тихо сказал он, когда убедился, что она снова твёрдо стоит на ногах.

— Да. Конечно.

Екатерина убрала ладонь. Лоренцо тоже отступил, и она наконец посмотрела на тёмное пятно, расползавшееся по рубашке.

— Господи. Простите.

— Кажется, теперь я всё-таки обязан подать на вас жалобу.

Она вскинула глаза. Понадобилась секунда, чтобы понять: он вспомнил их прошлый разговор и шутит. Смущение не исчезло, но рядом с ним появилось возмущение.

— Давайте хотя бы после того, как я выясню, не обожгла ли вас.

Бариста уже выбежала из-за стойки с полотенцем и пачкой салфеток.

— Не трите рубашку, пожалуйста. Только промокните, иначе останутся разводы.

— Кажется, для этого предупреждения поздно, — сказала Екатерина.

Она взяла салфетки и приблизилась к Лоренцо, но замерла, не донеся их до его груди.

— Можно?

Вопрос прозвучал после того, как она уже облила его кофе и побывала в его руках, но именно теперь Екатерина снова вспомнила о границах.

— Не стоит.

Лоренцо снял пальто. Ткань задержала часть жидкости, однако на рубашке осталось большое неровное пятно от груди до пояса. Екатерина посмотрела на него с таким неподдельным несчастьем, что он едва не улыбнулся.

— Вам больно? Кофе был горячий.

— Я не обжёгся.

Капля скатилась по тыльной стороне его кисти. Екатерина, не поверив, осторожно взяла его за пальцы и повернула руку к свету. Кожа была чуть прохладнее её собственной, но никаких следов ожога она не увидела.

— Но Лоренцо, вы точно не...

Екатерина остановилась на его имени.

Лоренцо услышал его раньше остальных. Без «господина», без напоминания о принадлежащем ему здании, в испуге за него, а не по его просьбе.

— Точно, — ответил он. — И теперь это прозвучало не как требование владельца торгового центра.

Она выпустила его руку.

— Потому что владельца торгового центра я пока не обливала кофе.

Взгляд Лоренцо опустился на светлую ткань, по которой расползлось кофейное пятно.

— Уже облили.

На этот раз она рассмеялась первой. Коротко, всё ещё виновато, но так же открыто, как несколько минут назад смеялась с Даниловым.

Максим подошёл с ещё одной стопкой салфеток и остановился, оценив разбитую чашку, Лоренцо без пальто и Катю рядом с ним.

— Я отошёл на минуту.

— Этого хватило, — сказала Катя.

— Господин Вальери, вы не пострадали?

— Нет, Данилов.

Максим не удивился, что владелец торгового центра знает его фамилию. Только перевёл взгляд на Катю:

— А ты?

— Он меня поймал.

Данилов посмотрел на Лоренцо уже иначе — не как сотрудник на владельца здания, а как мужчину, которому только что сообщили, что другой мужчина держал близкую ему женщину. Неприязни в его лице не появилось. Скорее быстрая проверка, закончившаяся, когда Катя спокойно встала рядом.

— Спасибо, — сказал он.

Лоренцо не любил благодарность за действия, которые совершил бы и без разрешения Данилова.

— Она могла упасть.

— Я здесь, — напомнила Екатерина. — Можно не обсуждать меня как спасённый предмет.

Бариста собрала осколки и принесла новую чашку взамен разбитой.

— За посуду платить не нужно, — быстро сказала она. — Я сейчас принесу другой кофе.

— Сколько стоит чашка? — спросил Лоренцо.

— Правда, ничего не нужно.

— Я оплачу, — вмешался Максим.

Лоренцо посмотрел на него. За четыре столетия он научился не выдавать раздражение ни голосом, ни лицом. Данилов видел перед собой всё того же спокойного, красивого и безупречно собранного мужчину в испорченной рубашке.

— Нет, — произнёс Лоренцо.

Одного слова хватило, чтобы бариста всё-таки назвала сумму. Он приложил телефон к терминалу и оплатил разби-

тую чашку вместе с новым кофе.

— Первый был мой, — начал Максим.

— Теперь это не имеет значения.

Тон остался ровным, но стал достаточно холодным, чтобы Данилов больше не спорил.

Екатерина проводила баристу взглядом, потом снова посмотрела на рубашку Лоренцо.

— Химчистку оплачу я.

— В этом нет необходимости.

— Это не вам решать.

— Рубашка моя.

— А кофе был мой.

— И чашку вы уже оплатили, — добавила она. — Хотя разбила её я.

— Из-за меня.

— Из-за стула.

— Он хотя бы не пытается разделить ответственность, — заметил Максим.

Катя повернулась к нему.

— Ты сейчас серьёзно ревнуешь меня к стулу?

— Оцениваю всех участников.

Лоренцо ощутил новое раздражение, хотя Данилов не сделал ничего, кроме того, что, очевидно, делал часто: оказался с Екатериной в одном разговоре, знал её интонации и не боялся попасть под быстрый ответ. Раздражение не относилось ни к перстню, ни к службе безопасности. Поэтому признать

его разумным было невозможно.

Телефон в кармане завибрировал. Водитель сообщил, что будет через двенадцать минут.

— Пока вы ждёте машину, я хотя бы куплю вам кофе, — сказала Екатерина. — Тот, который останется в чашке.

— После первого я не уверен, что готов рисковать.

— Тогда чай. Его я сегодня уже проливала, второй раз обычно не случается.

Максим усмехнулся.

— Не верьте ей. Никакой статистики нет.

Лоренцо мог дожидаться машины под навесом. Мог позвонить Павлу или пройти оставшиеся несколько кварталов пешком. Вместо этого он повесил пальто на спинку свободного стула.

— Эспрессо.

Екатерина моргнула, будто не ожидала, что он согласится, и пошла к стойке.

За столом Лоренцо сел напротив окна. Екатерина устроилась между ним и Максимом, поставила чашку перед Лоренцо и только после этого вспомнила о собственном кофе.

— Мы всё-таки не закончили разговор о химчистке.

— Закончили.

— Вы просто произнесли последнее слово.

— Обычно этого достаточно.

— Наверное, поэтому вам редко объясняют, что вы неправы.

Максим опустил взгляд в меню, пряча улыбку. Лоренцо взял чашку. Кофе был крепким, чуть пережжённым и не нужен его телу, но вкус он различал так же ясно, как человек.

— Вы всем владельцам зданий сообщаете об их неправо-
те? — спросил он.

— Только тем, кого облила кофе. Это очень узкая специ-
ализация.

Официантка принесла заказ: пасту для Екатерины, мясо с овощами для Максима и корзинку хлеба. Лоренцо заметил, что Данилов без вопроса переставил к Екатерине тарелку без зелени, а она придвинула к нему перечницу.

Они явно уже не раз ели вместе. Но прежние обеды, судя по одинаково привычным движениям, случались между сме-
нами — в форме, с рацией на столе и временем, которое от-
считывал перерыв. Сегодня ни на одном из них не было ра-
бочей одежды, Максим выбрал кафе за пределами торгового
центра, а Екатерина согласилась прийти. Вечер отличался от
обычного обеда именно настолько, чтобы оба это понимали.

— Надеюсь, я не помешал вашему ужину, — произнёс Ло-
ренцо.

— Встречу с вами трудно назвать запланированной ча-
стью вечера, — ответила Екатерина.

— Это не ответ.

Она узнала собственные слова и прищурилась.

— Вы быстро учитесь.

— Когда хорошо объясняют.

— Мы только начали, — сказал Максим. — И Катя пока не решила, считать это нашим первым свиданием или поздним ужином двух людей с одинаковым графиком.

Катя медленно повернула к нему голову.

— Мы не решили?

— Я решил ещё когда позвал тебя не в обеденный перерыв. Но ты просила не торопиться с формулировками.

— И решил обсудить это с владельцем торгового центра?

— Он спросил.

Лоренцо не спрашивал, свидание ли это. Однако уточнять не стал.

Екатерина вздохнула и взяла вилку.

— Теперь вы точно помешали.

— Я могу уйти.

— Теперь уже поздно. Максим будет весь вечер считать, что выиграл этот разговор.

— Я и так выиграл, — сказал тот.

— Видите, с кем мне приходится общаться?

Она посмотрела на Лоренцо в поисках поддержки. Он ответил прежде, чем успел решить, стоит ли вмешиваться:

— Максим преждевременно объявил результат.

Максим рассмеялся.

— Не ожидал, что собственник встанет на сторону сотрудника салона.

— Я не вставал ни на чью сторону.

— Вы просто произнесли последнее слово, — напомнила

Екатерина.

Лоренцо улыбнулся. Её взгляд сразу задержался на его лице, как в кабинете, когда она торжествовала, убедившись, что он вообще это умеет.

Несколько минут они ели молча. Точнее, ели двое. Лоренцо пил кофе и слушал, как Екатерина рассказывает Максиму о покупательнице, которая трижды меняла решение из-за советов сестры по видеосвязи. Она не называла имён и не высмеивала женщину; смешным в её рассказе становился сам бесконечный процесс выбора и Лерины попытки не попасть в кадр.

В салоне Екатерина умела быть незаметной, когда внимание требовалось клиенту. Здесь она меняла весь стол одним поворотом головы. Рядом с Даниловым её голос становился свободнее, жесты — шире, и однажды она едва не задела локтем чашку, но успела поймать её взглядом и отодвинула подальше.

Лоренцо заметил, что ждёт следующей улыбки.

За столетия он встречал женщин красивее Екатерины, острее, мягче, смелее. Знал тех, с кем проводил одну ночь, тех, рядом с кем оставался годами, и тех, кого действительно любил. Ни рыжие волосы, ни веснушки в зелёных глазах, ни умение сказать ему «нет» не могли быть первыми в его жизни.

Первым за очень долгое время было другое. Он не знал, улыбнётся ли Екатерина ему снова, назовёт ли по имени, за-

хочет ли продолжить разговор. Её внимание нельзя было получить вместе с подписью под договором или вызвать одним своим присутствием. Каждого следующего движения приходилось ждать.

Рядом с ней следующая минута не казалась заранее прожитой.

Это было хуже, чем просто помнить цвет её глаз.

— Вы нашли того, кто положил перстень? — спросила Екатерина, когда рассказ закончился.

— Пока нет.

— Но версия с футляром подтвердилась?

— Да. Следы на нижней стороне вставки совпали с металлом кольца. Его спрятали до того, как коллекцию запечатали.

Она кивнула, не радуясь собственной правоте.

— Значит, его действительно хотели вернуть вам.

— Да.

— Это опасно для сотрудников салона? — спросил Максим.

Вопрос прозвучал спокойно, но Лоренцо понял, почему Данилов задал его раньше Екатерины.

— Нет оснований так считать. Салон выбрали как способ передачи. Екатерина оказалась участницей только потому, что заметила лишнее изделие.

— Очень обнадёживает, — сказала она. — Обычно мне за внимательность хотя бы премию дают.

— Если появится риск, охрану предупредят первой.

— А салон?

— И салон.

Лоренцо ответил правду. В тот момент Катя не была целью. Она не имела отношения к его прошлому и не представляла ценности для человека, приславшего перстень.

Чтобы это изменилось, кто-то должен был сначала понять, что она представляет ценность для самого Лоренцо.

Он поставил чашку.

Машина ждала у кафе уже две минуты.

— Мне пора.

Екатерина сразу отложила вилку.

— Рубашка.

— Её можно заменить.

— А моё чувство вины?

— Придётся сохранить.

— У меня есть ваш номер.

— Вы им до сих пор не воспользовались.

— Не было причины.

Лоренцо надел пальто. На тёмной ткани пятно почти не выделялось, но рубашку скрыть не удалось.

— Теперь причина появилась.

Екатерина подняла на него глаза. Коричневые крапинки возле зрачков были заметны даже в неярком свете кафе.

— Я сама решу, достаточно ли она серьёзная.

Он вспомнил кабинет директора и её отказ называть его по имени, пока это не станет её собственным выбором.

— Хорошая привычка, — сказал Лоренцо.

Она тоже вспомнила. Уголки её губ дрогнули.

— До свидания, господин Вальери.

При Максиме фамилия вернулась на место так легко, будто несколькими минутами раньше Катя не называла его по имени. Лоренцо услышал эту границу яснее, чем хотел.

— До свидания, Екатерина.

Максим поднялся и протянул руку. Лоренцо пожал её, отметив уверенное человеческое тепло.

— Доброй ночи, господин Вальери.

— Данилов.

На улице дождь уже слабел. Водитель открыл заднюю дверь, и Лоренцо сел, не оглядываясь на окно кафе до тех пор, пока машина не тронулась.

Екатерина снова была видна за стеклом. Она что-то сказала Максиму, тот покачал головой и подвинул к ней корзинку с хлебом. Ужин продолжился.

Так и должно было быть.

Лоренцо достал телефон и позвонил Павлу.

— Совещание по проекту нового корпуса где назначено?

— В главном офисе в четверг, — ответил тот после короткой паузы. — В четыре часа.

— Перенесите в торговый центр.

— В главном офисе удобнее собрать архитекторов и руководителей направлений.

— Перед совещанием нужно пройти границу участков и

старый корпус. Пусть сначала увидят, с чем работают.

Павел снова помолчал. Он никогда не спорил с решениями, которые не вредили делу, но умел обозначить их необычность одной лишней секундой тишины.

— В административный конференц-зал? — уточнил он.

— Для начала.

— Вы хотите участвовать во всём проекте?

— На первом этапе. Еженедельные встречи проводите здесь.

— Обычно вам достаточно утвердить концепцию.

— Обычно — да.

Лоренцо посмотрел на высыхающее пятно на рубашке.

— Давно я сам не занимался такими проектами. Возможно, это будет интересно.

— Понял.

Павел отключился.

Восемь дней назад Лоренцо сказал, что у него не осталось причин возвращаться в торговый центр.

К концу короткой поездки у него появился настоящий проект на несколько месяцев — достаточно сложный, чтобы считать его причиной.

Глава 6

После ухода Лоренцо Максим дождался, пока официантка унесёт пустую чашку, и только потом посмотрел на Катю поверх своей тарелки.

— Ты знала, что он будет в торговом центре? — спросил он.

Катя покачала головой.

— Тем более не знала, что он зайдёт в кафе. Я вообще думала, владельцы торговых центров не ходят по ним пешком.

— Ходят, — сказал Максим. — Обычно быстро, в сопровождении управляющего и не садятся за чужой стол.

Он произнёс это без ревности, скорее с профессиональным недоумением человека, который годами видел руководство только во время проверок, совещаний и торжественных открытий. Катя подвинула к себе тарелку. Паста успела остыть, но после кофе, разбитой чашки и пятна на чужой рубашке это казалось самой незначительной неприятностью вечера.

— Машина задерживалась, — напомнила она. — На улице шёл дождь, свободных мест почти не было.

Максим посмотрел на несколько пустых столов возле окна, но спорить не стал.

— Ты будешь ему писать?

— Я обещала химчистку.

— Он уже заплатил за чашку, кофе и, кажется, за половину кофе.

— Тем более. Нельзя позволять человеку оплачивать собственную испорченную рубашку только потому, что у него больше денег.

В этом Максим узнал её достаточно хорошо, чтобы больше не задавать вопросов. Он подвинул к Кате корзинку с хлебом и предложил доесть ужин, пока она не нашла ещё кого-нибудь, перед кем обязана извиниться.

Постепенно вечер снова стал их. Они спорили о фильме, который Максим считал смешным, а Катя — издевательством над зрителем, заказали один десерт на двоих и вышли из кафе, когда дождь почти закончился. До машины дошли под одним зонтом. Максим держал его чуть выше Кати, и вода всё равно стекала ему на плечо.

Возле её дома он не попытался превратить хороший вечер в обязательное решение.

— Я позову тебя ещё раз, — сказал он.

— Тогда выбирай место без шаткой мебели.

— Найду с мягкими стенами и посудой из пластика.

Катя рассмеялась. Максим обнял её на прощание чуть дольше, чем обычно, но не поцеловал. Ей было тепло, спокойно и совсем не хотелось первой отстраняться.

Домой она поднялась с мыслью, что согласится на второе свидание. Странный эпизод с Лоренцо ничего в этом не изменил. Он остался именно эпизодом — неловким, дорогим

для его рубашки и почему-то всё ещё смешным.

* * *

К десяти утра Катя всё-таки написала Лоренцо. Не потому, что искала повод продолжить знакомство, а потому, что вчера пообещала оплатить химчистку и не привыкла забывать обещания, данные даже в состоянии паники.

«Доброе утро. Это Екатерина Лебедева. Как ваша рубашка? Если пятно осталось, предложение о химчистке всё ещё в силе».

Она перечитала сообщение, решила, что ничего более делового придумать всё равно не сможет, и положила телефон на полку под кассой.

Ответ появился через четыре минуты.

«Доброе утро, Екатерина. Я узнал вас по предложению оплатить то, что уже оплачено».

Следом пришло второе сообщение:

«Рубашка в химчистке. Необратимого ущерба нет».

Катя набрала: «Тогда пришлите мне счёт. Пожалуйста».

Лоренцо ответил одним словом:

«Нет».

Она посмотрела на экран с таким возмущением, словно могла передать его через расстояние, и написала:

«Вы опять просто произнесли последнее слово».

На этот раз ответа не было почти минуту.

«В переписке это особенно удобно».

Катя улыбнулась.

— Вот теперь рассказывай, — сказала Лера.

Она протираала соседнюю витрину и до этого несколько минут с подчёркнутым благородством не смотрела в сторону телефона.

В салоне было тихо. Утренний поток закончился, Рита относила в подсобку коробки, а Ирина Павловна разговаривала по телефону в кабинете. До следующего покупателя могло оставаться и пять минут, и сорок.

— Рассказывать нечего. Я испортила рубашку, предложила химчистку, человек отказался. Конец истории.

— Рита видела Максима утром. Он упомянул разбитую чашку и Вальери за вашим столом.

— Значит, Максим слишком подробно сдавал рацию.

Лера отложила салфетку.

— Владелец торгового центра сел с вами ужинать?

— Он ждал машину и пил кофе. Потом ушёл, а мы с Максимом спокойно доели.

— И ты сегодня первой ему написала.

— Потому что это я облила его кофе. Лер, не придумывай историю там, где есть испорченная вещь и человек, который не даёт за неё заплатить.

Катя сказала это без смущения, и Лера поняла, что продолжать бессмысленно. Она подняла руки, признавая поражение, и вернулась к витрине.

Телефон снова завибрировал.

«Надеюсь, оставшаяся часть ужина прошла без происше-

ствий».

Катя ответила:

«Да. Максим, мебель и оставшаяся посуда не пострадали».

«Рад это слышать».

Сообщение было безупречно вежливым и ничего не объясняло. Вероятнее всего, Лоренцо просто поддержал разговор, который сам же начал. Катя заблокировала телефон, убрала его под кассу и занялась новой поставкой.

Переписка действительно получилась забавной.

Только и всего.

* * *

В четверг к четырём в галерее стало заметно больше сотрудников администрации, чем покупателей.

— Сегодня с планами, — тихо сказала Лера.

Катя подняла голову. По галерее двигалась группа из десяти человек. Впереди шёл Алексей Викторович, управляющий торговым центром, с планшетом в руке. Рядом с ним женщина в длинном сером жакете несла свёрнутые чертежи. Чуть позади Катя узнала Павла Руднева и двух сотрудников технической службы.

Лоренцо находился немного в стороне от остальных.

Он был без пальто, в тёмном костюме и светло-синей рубашке. На ткани не осталось ни пятна, ни следа вчерашней катастрофы. Катя заметила это прежде, чем успела подумать, куда смотрит.

Лоренцо поймал её взгляд и едва поднял бровь.

— Всё-таки отстирали, — пробормотала Лера.

— На этом тема рубашки закрыта.

Катя вернулась к кольцам, которые раскладывала по размерам. За стеклом тем временем развернули планы. До салона долетали отдельные слова: «переход», «нагрузка», «эвакуационный выход», «линия витрин».

Очень скоро стало ясно, что Лоренцо приехал не для вида. Он помнил цифры из отчётов, замечал несовпадения между указанной и реальной шириной проходов и не принимал формулировку «примерно такой же поток» без сравнения. Алексей Викторович дважды начинал объяснять готовое решение и оба раза останавливался после его вопроса. Архитектор раскрыла второй план; техническому специалисту пришлось искать дополнительные замеры.

Катя наблюдала дольше, чем собиралась. Не за Лоренцо — за тем, как человек, которому принадлежало всё здание, сам ходил вдоль ограждения и проверял ширину галереи. Она не ожидала, что владельцы вообще занимаются такими вещами раньше, чем им приносят два готовых варианта на подпись.

— Вход нам перекроют? — спросила Лера.

— Если переход сделают там, где показывают, могут.

Группа прошла мимо салона. Лоренцо коротко кивнул Кате, она ответила тем же и продолжила работу. Ирина Павловна вышла из кабинета, проводила руководство взглядом

и напомнила сотрудницам, что обсуждать совещание в торговом зале не следует.

К половине пятого за служебными дверями скрылись и планы, и люди. В салон пришли покупатели, Рита перепутала два одинаковых футляра, а потом пришлось двадцать минут искать сертификат на серьги, который лежал именно там, где должен был.

В пять вернулся Алексей Викторович.

— Ирина Павловна, добрый вечер. Простите, что без предупреждения, — сказал он. — Нам нужно уточнить несколько вещей по потоку посетителей. Новое крыло хотят соединить с третьим этажом примерно в сорока метрах отсюда.

Он спросил о доставках, служебном входе и времени утренней приёмки товара. Ирина Павловна отвечала уверенно, сверяясь с рабочим расписанием. Потом управляющий поинтересовался, с какой стороны в салон чаще заходят покупатели вечером.

— Со стороны центрального эскалатора, — сказала она.

Катя невольно посмотрела на дверь. Ирина Павловна заметила.

— Екатерина, ты не согласна?

— После семи чаще идут от лифтов возле кинотеатра. Особенно по пятницам и в выходные. С эскалатора заходят днём.

Алексей Викторович перевёл взгляд на неё.

— Вы уверены?

— Я встречаю людей у входа третий год. Вечером они сначала поднимаются поесть или сходить в кино, потом спускаются на лифте и идут к выходу. Днём чаще приезжают именно за покупками.

Ирина Павловна немного подумала и кивнула.

— Вероятно, Катя права. По вечерам у нас действительно больше пар и семей, которые уже провели время наверху.

Управляющий открыл схему на планшете. На плане галерея выглядела проще, чем в жизни: две ровные полосы, прямоугольники магазинов и широкая светлая зона будущего перехода.

— Если выход из нового крыла появится здесь, поток должен пройти прямо мимо вашей витрины.

Катя подошла ближе.

— Не пройдёт. Здесь стоит навигация и начинается поворот к туалетам. Люди увидят свет из нового крыла и пойдут туда, а эта часть галереи окажется у них за спиной.

— Стойку можно перенести.

— Можно. Но они всё равно выбирают то, что первым видят. Половина посетителей и сейчас не замечает указатель к службе быта, хотя он висит прямо над ними.

Алексей Викторович несколько секунд смотрел на план. За его плечом появился Лоренцо; следом подошли Павел и архитектор.

— Покажите, где реальный маршрут расходится с моделью, — сказал Лоренцо.

Катя оглянулась на Ирину Павловну. Директор едва заметно кивнула, хотя по её лицу было ясно: обычный рабочий день снова закончился без согласования с ней.

Катя вышла из салона.

— Представьте, что вы приехали в кино и уже опаздываете. Рядом кто-то разговаривает, ребёнок просит мороженое, а указатель вы не прочитали.

— Представить ребёнка будет сложнее всего, — заметил Лоренцо.

Архитектор тихо рассмеялась. Катя посмотрела на него, но он уже изучал пространство перед лифтами.

— Отсюда вечером выходят основные посетители. Перед ними яркая витрина, люди и поворот к эскалатору. Они идут туда, даже если ближайший выход в другой стороне.

— Потому что видят движение? — спросила архитектор.

— И потому что пустая галерея кажется закрытой, даже когда магазины работают.

Они пошли обратно. У рекламной стойки Катя остановилась и уточнила, где именно откроется переход.

— За этой стеной, — ответил Алексей Викторович.

— Тогда свет из нового крыла будет виден раньше центральной части. Чтобы люди поворачивали к ней, нужно открыть обзор до стойки или поставить здесь что-то, ради чего захочется свернуть.

Один из проектировщиков предложил добавить навигацию.

— Её никто не читает, — сказала Катя.

— Это мы уже установили, — отозвался Лоренцо.

Он встал у стены и посмотрел вдоль галереи с той точки, которую она показала.

— Уберите с модели центральную стойку. Проверьте два варианта раскрытия перехода и освещение до поворота. Отдельно сравните вечерний поток от лифтов, а не общий за день.

Архитектор предупредила, что потребуется новая съёмка.

— Значит, сделайте.

Лоренцо повернулся к Кате.

— Что ещё мы не заметили?

Она посмотрела на галерею уже как на схему. На скамью у ограждения, где женщина поправляла ребёнку шарф. На пустующий островок с аксессуарами, заслонявший часть соседней витрины. На двери салона, которые открывались каждый раз, когда кто-то проходил слишком близко.

— Если уберёте скамьи, люди будут реже заходить в магазины.

Алексей Викторович нахмурился. По проекту на этом участке собирались оставить только одну зону отдыха.

— Сейчас их две, — объяснила Катя. — Пока один человек сидит, второй ходит по ближайшим магазинам. Особенно если они пришли с ребёнком или пожилыми родителями.

Павел предложил проверить это по продажам.

— По продажам не будет видно тех, кто зашёл и ничего

не купил. Иногда они возвращаются позже.

Лоренцо не объявил Катю правой и не отверг расчёты людей, которые готовили проект. Он попросил оставить обе зоны до замеров и сначала собрать данные. Почему-то именно это понравилось ей сильнее, чем если бы он немедленно переставил скамьи по её слову.

К салону подошла пожилая женщина с раскрытым кошельком.

— Девушка, простите, вы здесь работаете? Я не могу найти мастерскую, где часы ремонтируют.

Катя объяснила дорогу, но женщина уже успела спуститься на нужный этаж и вернуться ни с чем.

— Тогда я покажу.

Она проводила покупательницу до лифта, дождалась кабины и ещё раз назвала поворот. Когда Катя вернулась, участники совещания стояли на прежнем месте.

— Вот поэтому навигация не работает.

— Убедительно, — сказал Лоренцо.

Ирина Павловна появилась у дверей салона и напомнила, что через десять минут у Кати перерыв. В её тоне не было замечания, но Катя всё равно почувствовала себя сотрудницей, слишком надолго покинувшей рабочее место.

— Я закончила.

Алексей Викторович поблагодарил её, группа снова собралась вокруг планов, и Катя вернулась к витрине.

Телефон под кассой завибрировал.

«Ваша консультация только что сэкономила нам как минимум одну ошибку. Я должен вам кофе».

Катя подняла глаза. Лоренцо стоял в нескольких десятках метров и смотрел на планшет архитектора.

«У нас странный бухгалтерский учёт. Я всё ещё должна вам химчистку», — написала она.

«Предлагаю взаимозачёт».

«Химчистка дороже кофе».

«Я выберу хороший. Если ваш перерыв ещё свободен».

Катя посмотрела на часы. До перерыва оставалось восемь минут.

— Иди, — сказала Лера, заметив это движение. — Мы с Ритой справимся.

Она не пыталась заглянуть в телефон и ничего не добавила. За эту деликатность Катя была особенно благодарна.

«Через десять минут. Кофейня этажом ниже».

К назначенному времени Лоренцо уже ждал возле входа. Без управляющего, архитекторов и планов он выглядел человеком, который не должен стоять рядом с витриной, где продавали булочки по акции. Люди обходили его чуть шире, чем требовалось, и только потом оглядывались. Лоренцо не делал ничего, чтобы привлечь внимание, но его всё равно замечали.

— Сегодня без неаполитанской обжарки, — предупредила Катя.

— Я готов рискнуть.

— После вчерашнего это звучит опрометчиво.

Они встали в очередь. Лоренцо заказал эспрессо, Катя — чай и маленький сэндвич. Когда он приложил телефон к терминалу, она не стала спорить.

— Теперь у вас нет оснований утверждать, что я вам должна.

— Химчистка всё ещё дороже.

— Вы сами предложили взаимозачёт.

— И уже начинаю жалеть.

Свободный столик нашёлся возле стеклянного ограждения. Снизу поднимался шум первого этажа, пахло кофе и горячим тестом. Катя положила телефон рядом с чашкой и вдруг поняла, что не знает, как начинать разговор с человеком, которого вчера случайно облила кофе, а сегодня консультировала по движению покупателей.

Лоренцо избавил её от необходимости.

— Вы проверяли рубашку.

— Последствия.

— Эта другая.

— Я заметила. На светлой ткани хорошо видны пятна.

Он опустил взгляд на светло-синюю рубашку, потом снова посмотрел на Катю. В почти чёрных глазах мелькнуло что-то похожее на смех, но спорить с её объяснением он не стал.

Катя взяла чай. Напиток был слишком горячим, и она поставила чашку обратно.

— Я думала, владельцам такие проекты показывают уже

в виде двух готовых вариантов, — сказала она. — А вы сами считаете скамейки. Сегодня даже без охраны.

Лоренцо посмотрел в сторону эскалатора.

— Павел остался этажом выше. Он огорчится, если узнает, что вы его не заметили.

— Он не похож на человека, который часто огорчается.

— В этом вы правы.

Обычно проект действительно дошёл бы до Лоренцо на этапе выбора готовой концепции. Сегодня он решил посмотреть, что происходит раньше, потому что давно этого не делал.

— Соскучились по спорам о навигации?

— Пока не уверен. Но вы заставили девять человек пересчитать половину этажа.

— Я только объяснила, куда ходят покупатели.

— Именно этого не было в их таблицах.

За соседним столом женщина уговаривала ребёнка надеть шапку, гремела посуда, по эскалатору поднимались люди с пакетами. В этой обычной тесноте Лоренцо выглядел ещё заметнее, но сам, кажется, не испытывал неудобства.

— Вы всегда хотели работать в ювелирном салоне? — спросил он.

— Никогда. Здесь нормальная зарплата, официальный договор и график, которым можно меняться с другими продавцами. Перед праздниками, когда покупателей особенно много, всё равно выходим почти все.

— Это звучит как перечень условий, а не мечта.

— Работа не обязана быть мечтой, чтобы делать её хорошо.

Лоренцо принял ответ без снисходительной улыбки и без попытки убедить Катю, что каждый человек должен найти призвание. Он только спросил, что ей всё-таки нравится в украшениях.

Она задумалась.

— Момент, когда человек решается. Иногда покупатель трижды просит показать одно и то же кольцо. Он уже выбрал, ему просто нужно разрешить себе потратить деньги.

— И вы это видите?

— Если третий год стоять у витрины, начинаешь видеть.

— Не все начинают.

Катя откусила сэндвич и посмотрела на него внимательнее. Комплимент, если это был комплимент, относился к её работе. Так было проще и, вероятно, правильное.

Выбившаяся прядь скользнула по щеке. Катя заправила её за ухо и заметила, что взгляд Лоренцо на мгновение последовал за движением. Она решила, что он обратил внимание на растрёпанные волосы, и автоматически проверила шпильки: в салоне распущенные пряди считались нарушением формы.

— Почему вы всё-таки предложили химчистку второй раз? — спросил он.

— Потому что испортила вещь. То, что вы можете купить сто таких рубашек, не делает эту моей.

Лоренцо медленно повернул маленькую чашку на блюде.

— У вас довольно строгая система расчётов.

— Зато понятная.

— Не уверен. Вы нашли две ошибки, а согласились только на один кофе.

— Вторую можете записать в отчёт.

— Оставлю на балансе.

Катя покачала головой, но снова улыбнулась. Разговор оказался неожиданно лёгким. Не похожим ни на совещание, ни на встречу с мужчиной, который ожидал от неё определённого ответа. Лоренцо спрашивал, слушал и не торопился заполнять каждую паузу.

Двадцать минут закончились быстрее, чем она рассчитывала. Катя допила чай и поднялась.

— Мне пора.

Лоренцо встал вместе с ней и сказал, что проводит до салона.

— На один этаж?

— Не хочу, чтобы по дороге вы снова встретили опасный стул.

— В торговом центре опаснее эскалаторы.

— Тогда тем более.

Они поднялись рядом. Лоренцо стоял на ступень ниже, и всё равно его плечо находилось почти на уровне Катиного. В стеклянном ограждении отражались свет, витрины и два человека, которым было нечего делать вместе посреди рабо-

чего дня, кроме совершенно объяснимого кофе за консультацию.

У входа в салон Катя поблагодарила его.

— Теперь расчёты закрыты?

— Нет. Вы показали две ошибки.

— Я не буду пить с вами кофе за каждую.

— Разумное ограничение.

Он произнёс это спокойно, без приглашения и без намёка, который Катя должна была понять. Она решила, что разговор закончен, кивнула и вернулась к витрине.

Лера лишь напостила, что перерыв длился двадцать минут, а не двадцать три. Катя пообещала вернуть три минуты вечером и убрала телефон под кассу.

Ничего особенного не произошло. Владелец торгового центра поблагодарил сотрудницу за полезное наблюдение, они выпили кофе и разошлись по своим делам.

И всё же остаток смены Катя несколько раз вспоминала, как легко он согласился с тем, что работа не обязана быть мечтой.

* * *

Мужчину на записи заметили в семь сорок две.

Совещание уже закончилось, архитекторы уехали, а техническая служба проверяла перекрытия этажом ниже. Лоренцо стоял в коридоре старого офисного корпуса, когда Павел протянул ему планшет.

На первом кадре был вход в кафе. Под навесом напротив

окна стоял мужчина в тёмной куртке и держал телефон так, будто снимал улицу. Он появился за семь минут до Лоренцо и ушёл сразу после его машины.

На втором кадре тот же человек сидел сегодня на третьем этаже торгового центра. Куртку он сменил на пальто, кепку — на серую шапку, но одинаково разворачивал правую стопу при ходьбе. За сорок три минуты он ничего не купил и покинул здание вскоре после того, как Лоренцо спустился в кофейню.

— Может быть совпадением, — сказал Павел.

— Может.

На обоих кадрах мужчина находился достаточно далеко, чтобы снимать что угодно: машину, витрины, людей в галерее. Связи с перстнем не было. Пока это означало только, что одна и та же случайность повторилась дважды.

— Установите его, — сказал Лоренцо. — Без шума.

Павел кивнул и перелистнул запись обратно. На последнем остановившемся кадре Екатерина стояла у стены будущего перехода и убирала за ухо выбившуюся прядь.

Лоренцо вспомнил то же движение за кофе и снова почувствовал простое, почти бессмысленное желание коснуться её волос, проверить, действительно ли тяжёлая рыжая прядь такая мягкая, какой кажется. Желание не имело отношения к голоду и не обещало заранее понятного продолжения. На это простое прикосновение он всё ещё не имел права.

Он выключил экран и вернул планшет Павлу.

В проекте реконструкции уже обнаружались две ошибки. Ещё одну Лоренцо не собирался совершать сам.

Глава 7

За шесть дней Екатерина не написала Лоренцо ни разу.

В этом не было ничего странного. В четверг они закрыли вопрос с рубашкой, выпили кофе, разошлись по своим делам. Он не просил сообщить, как закончится её смена, не назначал следующую встречу и не оставлял вопроса, который требовал ответа. Екатерина не принадлежала к людям, заполнявшим вежливыми сообщениями каждую возникшую паузу. Лоренцо уже успел понять это и должен был ценить.

Он и ценил. Первые два дня.

В воскресенье архитектор прислала обновлённую схему перехода. В понедельник Алексей Викторович передал данные по движению посетителей, собранные камерами за последний месяц. Во вторник служба эксплуатации закончила временную разметку, а Павел согласовал вечерний замер на четверг. Проект двигался быстрее, чем ожидали, и требовал достаточно внимания, чтобы Лоренцо не приходилось искать себе занятие.

Телефон лежал на столе справа от папки с расчётами. Иногда на экране появлялись сообщения: Павел уточнял время совещания, помощница присылала документы на подпись, Михаил спрашивал, не передумал ли Лоренцо насчёт ужина в субботу. Екатерина среди них не появлялась.

Это тоже не было странным. Лоренцо не собирался писать

первым. Он уже нашёл настоящий проект, перенёс совещания в торговый центр, поблагодарил её за кофе и проводил обратно до салона. По меркам человека, который привык не объяснять своего присутствия дважды, его интерес был почти неприлично очевиден.

Екатерина, вероятно, решила иначе.

Она могла считать проект причиной его приездов, сообщение — благодарностью, а кофе — взаимозачётом. Могла не придавать значения тому, что он ждал её у кофейни за несколько минут до начала перерыва. Могла объяснить обычной вежливостью даже то, что Лоренцо поднялся вместе с ней на третий этаж, хотя Павел и архитекторы оставались наверху.

Каждому её объяснению хватало здравого смысла. Вместе они начинали раздражать.

Голод ещё не требовал возвращаться домой, но уже делал всякую неточность громче, чем она была. Сотрудникам Лоренцо отвечал короче и требовал исправлений сразу. С Екатериной та же нетерпеливость принимала другую форму: ему всё труднее было ждать, пока она сама заметит то, что он считал очевидным.

Лоренцо закрыл сообщение от архитектора и снова открыл таблицу замеров. В двух строках не совпадало время наблюдений, ещё в одной смешали будний и выходной поток. Он отметил ошибки, написал Павлу, что исходные данные нужно проверить до совещания, и только после этого

посмотрел на часы.

До четверга оставалось два дня.

* * *

В семь вечера торговый центр был полон людей.

Именно поэтому замер назначили на это время. После работы посетители поднимались к ресторанам и кинотеатру, останавливались у витрин, расходились возле эскалаторов и собирались перед лифтами. В галерее звенела посуда из кофейни, дети просили мороженое, из автоматических дверей магазинов выходили люди с пакетами. Поток не помещался в аккуратные стрелки, нарисованные на плане.

Проектная группа собралась в старом офисном корпусе за полчаса до начала наблюдений. Архитектор показывала новую схему на большом экране, Алексей Викторович листал распечатанные таблицы, а двое сотрудников технической службы проверяли, передают ли сигнал временные счётчики.

— По расчётам не меньше шестидесяти процентов вечернего потока пойдёт через центральную галерею, — сказала архитектор. — Если убрать рекламную стойку и раскрыть обзор на эскалатор, мы получим примерно одинаковую нагрузку на оба направления.

— Какую именно? — спросил Лоренцо.

Она назвала два числа. Лоренцо посмотрел на таблицу перед собой.

— Это данные за весь день.

- Мы пересчитали коэффициент для вечернего времени.
- На основании трёх вторников и одной субботы.
- Других замеров пока нет.
- Значит, у нас недостаточно данных, а не примерно одинаковая нагрузка.

Он говорил ровно и не повышал голоса. Архитектор не пыталась спорить: вернулась к слайду, уточнила формулировку и пометила, какие значения нужно собрать сегодня. Лоренцо не считал ошибкой отсутствие цифр, которые команда ещё не могла получить. Ошибкой было выдавать предположение за расчёт только потому, что так схема выглядела убедительнее.

Следующие двадцать минут он разбирал маршрут доставки, ширину будущего перехода и расположение зон отдыха. Каждый раз, когда кто-то говорил «обычно», Лоренцо спрашивал, сколько раз это произошло. За словом «большинство» следовало требование назвать долю. «Незначительное отклонение» приходилось переводить в метры, минуты или количество людей.

Никто не ошибся дважды.

Павел сидел справа и почти не вмешивался. Только однажды, когда младший аналитик начал перелистывать приложение к отчёту заметно быстрее, чем успевал читать, подвинул к нему свой экземпляр, уже открытый на нужной странице.

— У вас есть вопросы к методике? — спросил Лоренцо.

— Нет.

— Тогда пойдёмте смотреть, как она работает.

Стулья отодвинулись почти одновременно.

В переходе между старым корпусом и торговым центром Павел поравнялся с Лоренцо.

— Данные действительно сырые, — сказал он негромко.

— Я знаю.

— К следующему четвергу будут лучше.

Лоренцо посмотрел на него.

Павел выдержал взгляд с привычным спокойствием. Он не спрашивал, почему встреча, которую можно было провести без владельца холдинга, второй раз собрала Лоренцо в торговом центре. Не напоминал, что работа с сырыми данными всегда раздражала его меньше, чем сегодня. Только придержал служебную дверь, пропуская проектную группу в галерею.

До ювелирного салона оставалось около сорока метров.

Лоренцо увидел Екатерину сразу.

В салоне в тот вечер работали Катя, Рита, Лера и ещё одна сотрудница. Рита оформляла покупку у кассы, Лера показывала серьги пожилой паре, их коллега убирала подносы после примерки. Екатерина стояла возле свадебной витрины с молодым мужчиной, который держал в ладони два почти одинаковых кольца и явно не понимал, чем они отличаются.

Волосы были собраны высоко и строго, как требовала форма. Тяжёлая рыжая прядь всё равно выбилась у виска и

легла вдоль щеки.

Лоренцо отвёл взгляд на счётчик.

Технический специалист объяснял, что первая точка наблюдения установлена возле лифтов, вторая — у поворота к эскалатору, а третья пока фиксирует людей перед будущим переходом. Он говорил понятно, цифры называл точно и не заслуживал того, чтобы Лоренцо пропустил половину объяснения из-за женских волос в сорока метрах от него.

— Начинаяте, — сказал Лоренцо.

Группа разделилась. Алексей Викторович остался у лифтов, архитектор с аналитиком заняли место у рекламной стойки, Павел пошёл проверять обзор со стороны нового крыла. Лоренцо мог выбрать любую точку.

Он остановился у поворота напротив салона.

Екатерина всё ещё работала с покупателем. Она положила кольца на белую подушечку, что-то объяснила и отошла к соседней витрине. Мужчина посмотрел ей вслед, потом снова на украшения и наконец указал на одно из них.

Третий показ одного и того же кольца, вспомнил Лоренцо. Человек уже решил. Ему оставалось разрешить себе потратить деньги.

Екатерина улыбнулась покупателю так, будто не сомневалась в его выборе, но и не собиралась праздновать продажу раньше времени. Только когда Рита унесла кольцо к кассе, она подняла голову и заметила людей с планшетами.

Её взгляд нашёл Лоренцо.

На одно короткое мгновение лицо стало теплее. Не улыбка, скорее узнавание человека, с которым у неё уже существовал отдельный разговор. Затем к Екатерине обратилась Лера, и она повернулась помочь с застёжкой серёг.

Лоренцо посмотрел на часы.

Прошло двенадцать минут.

За это время через точку наблюдения прошли сто восемьдесят семь человек. Сорок три свернули к эскалатору раньше предполагаемого места, двадцать один остановился у рекламной стойки, семеро вернулись к лифтам. Цифры подтверждали Катину версию и делали прежнюю схему почти бесполезной.

Ещё они показывали, что в четверг вечером сотруднику ювелирного салона действительно некогда выходить к проектировщикам только потому, что владельцу здания хочется услышать своё имя.

Лоренцо не нравилось, насколько точно он уже сформулировал это желание.

В половине восьмого Ирина Павловна вышла из кабинета и сама подвела Екатерину к группе.

— Катя может помочь десять минут, — сказала она. — Потом мне придётся вернуть её в зал.

— Этого достаточно, — ответил Алексей Викторович. — Добрый вечер, Екатерина.

— Добрый вечер, Алексей Викторович.

Катя повернулась к Павлу.

— Павел Андреевич.

Он поздоровался с ней, и только после этого она посмотрела на Лоренцо.

— Добрый вечер.

— Екатерина.

Она не назвала его господином Вальери. Это можно было считать изменением. Наедине в кафе она уже однажды произнесла «Лоренцо» по собственному выбору. При управляющем, Павле, архитекторах и сотрудниках салона не произнесла ничего.

Лоренцо понимал почему. В её положении назвать владельца торгового центра по имени означало дать всем присутствующим право задавать вопросы, на которые у неё самой ещё не было ответов. Потребовать этого от неё означало бы публично отметить её сильнее, чем любое прикосновение.

Понимание не помогло.

Алексей Викторович показал Кате первые результаты. Она долго смотрела на цифры, потом попросила уточнить, где именно поставили третий счётчик.

— Перед стеной будущего перехода, — ответил технический специалист.

— Тогда он считает не тех людей.

Тот заметно подобрался.

— Почему?

— Они уже свернули к туалетам или службе быта. Вам

нужно поставить его до рекламной стойки, иначе вы не увидите тех, кто выбрал направление раньше.

— Стойка временная.

— Но сейчас она стоит. Люди не знают, что в проекте её уберут.

Аналитик начал объяснять, что положение счётчика соответствует модели. Катя выслушала, снова посмотрела на схему и покачала головой.

— Тогда модель проверяет сама себя. Вы сначала нарисовали, куда люди должны пойти, а потом поставили счётчик туда, где их ждёте.

Возле планшета стало тихо.

Катя, кажется, только теперь заметила, что сказала это при владельце холдинга и всей проектной группе. Она взглянула на Лоренцо, но не отступила.

— Переставьте счётчик, — распорядился он.

Технический специалист снял крепление со стойки.

— И оставьте оба результата, — добавил Лоренцо. — Мы увидим разницу между моделью и реальным выбором.

Катя слегка кивнула. В прошлый раз ей понравилось, что он не отверг чужую работу по одному её слову. Сегодня это не должно было иметь значения, однако Лоренцо заметил, как исчезло напряжение в её плечах.

Она подошла ближе к планшету. Выбившаяся прядь снова скользнула по щеке. Катя попыталась убрать её движением головы, потому что обе руки держали схему, но волосы

почти сразу вернулись.

Лоренцо стоял достаточно близко, чтобы исправить это одним движением.

Пропустить прядь между пальцами. Отвести за её ухо. На секунду коснуться тёплой кожи у виска и наконец узнать, действительно ли волосы такие мягкие, какими кажутся.

Его правая рука оставалась вдоль тела. Перстень давил на палец сильнее обычного.

— Екатерина, у нас клиент, — позвала Лера из салона.

Катя сразу подняла голову.

— Простите, мне нужно вернуться.

Она передала планшет аналитику и ушла, сама заправив волосы за ухо уже на ходу.

Лоренцо посмотрел на рекламную стойку.

Она была установлена ровно там, где согласовали три месяца назад, никому не мешала и через две недели должна была исчезнуть. В течение нескольких секунд он испытывал к ней совершенно несоразмерную неприязнь.

— Переносим сюда? — спросил технический специалист.

— На два метра ближе к лифтам.

Работа продолжилась.

Новый замер занял пятнадцать минут и подтвердил Катину правоту. Архитектор пересчитала предполагаемое распределение потока, аналитик выделил отдельную группу посетителей кинотеатра, Алексей Викторович предложил продлить наблюдение до закрытия. Лоренцо согласился.

За стеклом салона Екатерина показывала клиентке цепочки. Потом искала нужную длину в нижней витрине, разговаривала с Ритой и на несколько минут исчезла в подсобке. Каждый раз, когда она снова появлялась, Лоренцо замечал это раньше, чем очередную цифру на экране.

Людей в собственном торговом центре оказалось слишком много.

Они проходили между ним и Екатериной, обращались к ней за помощью, просили Лоренцо посмотреть новый расчёт. Покупательница никак не могла решить, подходит ли ей длина цепочки. Рита дважды приносила не тот футляр. Архитектор выбрала именно тот момент, когда Катя осталась у входа одна, чтобы спросить о ширине перехода.

Никто не делал ничего неправильного.

Это раздражало сильнее всего.

К девяти поток стал свободнее. Ирина Павловна разрешила Кате ещё раз выйти на несколько минут, чтобы сравнить результаты. На этот раз проектная группа разошлась по точкам, и возле стены будущего перехода они с Лоренцо ненадолго остались вдвоём.

В трёх метрах от них стоял сотрудник технической службы. Через стекло салона смотрела Лера. По галерее непрерывно шли посетители, но отсутствие рядом Павла и архитектора всё равно показалось почти уединением.

— Ваша версия подтвердилась, — сказал Лоренцо.

— Не моя. Люди действительно так ходят.

— Вы могли бы позволить себе победу.

— Над кем? Над счётчиком?

Он почти улыбнулся. Екатерина посмотрела на лист с результатами и указала на вечерний провал возле зоны отдыха.

— Здесь неправильно записано время.

— Вы даже не проверите, собирался ли я вас хвалить?

Катя подняла глаза.

— За то, что три года замечала покупателей на собственной работе?

— За то, что заметили ошибку людей, которым платят именно за этот расчёт.

Она чуть нахмурилась, словно пыталась понять, почему разговор снова вышел за границы таблицы.

— Тогда спасибо.

И всё.

Ни вопроса о том, как прошла его неделя. Ни предложения выпить ещё один кофе. Ни самого маленького шага, который нельзя было бы объяснить рабочей необходимостью.

Лоренцо знал, что несправедлив. Екатерина не просила его переносить совещания, не обещала угадывать намерения и не должна была отвечать на внимание, которого он так и не назвал. Если ей нравился Данилов, это не превращало её в неразумную. Если она просто не рассматривала владельца торгового центра как мужчину, тем более.

Разумность происходящего была безупречной.

— Мы закрыли взаимозачёт? — спросил он.

— Конечно. Вы купили кофе, я показала ошибки.

— Их было две.

— Вторую вы записали в отчёт.

Она помнила разговор дословно и всё равно не оставила ему ни одной лазейки.

— Удобная система, — произнёс Лоренцо.

— Понятная.

Екатерина улыбнулась. Прядь опять упала ей на лицо, и на этот раз она не стала её убирать. Тяжёлый рыжий край лежал рядом с губами и двигался от дыхания.

Лоренцо поднял руку.

В тот же момент из салона вышла Рита.

— Кать, Ирина Павловна спрашивает сертификат на браслет. Ты не видела?

Екатерина повернулась. Движение отбросило волосы ей за плечо.

— Рит, в синей папке под накладными. Сейчас приду.

Она снова посмотрела на Лоренцо. Его рука уже лежала на краю планшета, оставленного Павлом на выступе стены.

— Мне нужно идти.

— Разумеется.

Катя поспешила к салону, по пути объясняя Рите, в каком отделении папки искать сертификат.

— Вы хотели взять планшет? — спросил вернувшийся Павел.

Лоренцо поднял устройство.

— Уже взял.

Павел посмотрел на него, затем вслед Екатерине. Ничего не сказал и протянул окончательный расчёт.

Последний час совещания прошёл особенно продуктивно.

Лоренцо утвердил точки для повторных замеров, вернул архитектору схему с шестью замечаниями и поручил к понедельнику посчитать оба варианта перехода. Никого не пришлось торопить. Формулировки стали точными ещё до того, как он задавал вопросы, а сотрудники технической службы научились называть расстояния без слова «примерно».

Без десяти десять ювелирный салон начал закрываться. Рита убирала украшения в сейф, Лера проверяла кассу, Ирина Павловна просматривала журнал продаж. Екатерина поправила витрину и скрылась в подсобке.

Лоренцо закончил разговор с архитектором, хотя понимал, что в её расчёте ещё можно найти по меньшей мере две неточности.

В галерее появился Данилов.

Сегодня он был не в форме, а в тёмных джинсах и куртке. Значит, смена закончилась раньше или у него был выходной. Максим поздоровался с охраной у служебного коридора, коротко кивнул Алексею Викторовичу и остановился у закрывающихся дверей салона так уверенно, будто делал это не первый раз.

Через несколько минут Екатерина вышла уже в пальто.

Волосы она распустила; они тяжело легли на плечи и спину, яркие даже под холодным светом галереи. Увидев Максима, она улыбнулась.

— Макс, ты давно?

Данилов ответил что-то, чего Лоренцо не расслышал, и забрал у неё пакет с рабочей одеждой.

Лоренцо не знал, второе ли это свидание. Люди могли встречать друг друга после работы без намерения провести ночь вместе. Могли ужинать, ездить домой и брать чужие пакеты просто потому, что давно были знакомы.

Каждому объяснению снова хватало здравого смысла.

Екатерина подошла попрощаться с теми, кто ещё оставался возле будущего перехода.

— Доброй ночи, Алексей Викторович. Павел Андреевич. Потом посмотрела на Лоренцо.

Вокруг стояли архитектор, аналитик, двое сотрудников технической службы, управляющий и мужчина, который приехал за ней после смены.

— Доброй ночи.

— Доброй ночи, Екатерина.

На её лице на секунду появилось то же тёплое узнавание, что в начале вечера. Потом Максим негромко позвал:

— Кать, пойдём? Я столик на половину одиннадцатого заказал.

— Уже иду.

Она догнала его у эскалатора. Максим положил ладонь

ей на спину, пропуская вперёд, и Катя не заметила прикосновения или давно к нему привыкла. Распушенные волосы скользнули по его рукаву.

Лоренцо смотрел, пока они не исчезли этажом ниже.

— Продолжим в старом корпусе? — спросил Алексей Викторович.

— Нет. На сегодня достаточно.

Управляющий заметно расслабился.

— Следующая встреча в четверг?

— В то же время.

Никто не спросил зачем. Для вечерних замеров существовали расчёты, которые полностью оправдывали ещё одно сошествие в торговом центре.

Павел собрал бумаги и пошёл рядом с Лоренцо к служебному лифту.

— Архитекторы подготовят оба варианта к понедельнику, — сказал он. — Во вторник можно провести предварительное согласование без всей группы.

— Проведите.

— Вы будете участвовать?

— Нет.

Павел кивнул. Двери лифта открылись, и они вошли в пустую кабину.

Наедине Екатерина однажды сказала «Лоренцо» так, будто между ними исчезло всё, что он привык ставить между собой и людьми. Сегодня она назвала по имени управляю-

щего, Павла, Риту и мужчину, с которым ушла.

Его — ни разу.

За несколько веков Лоренцо научился ждать возвращения людей, городов, утраченных вещей и даже врагов. Оказалось, он совершенно не умеет ждать, когда женщина сама захочет сделать к нему один-единственный шаг.

Глава 8

После ремонта машина вела себя безупречно ровно двадцать семь минут.

Катя успела доехать от сервиса до торгового центра, постоять на двух светофорах и даже поверить, что замена стартера решила хотя бы одну проблему в её жизни. Потом восемнадцатилетний тёмно-синий «Форд» коротко дёрнулся на въезде, зажёг на панели жёлтый значок и почти сразу погасил его, словно сам понял, что хозяйка сегодня не готова к новым расходам.

— Мы договорились, — сказала Катя, выключая двигатель. — До весны.

Машина ответила остывающим щелчком под капотом.

— Не уверен, что вторая сторона считает договор заключённым.

Катя обернулась. Лоренцо стоял в нескольких шагах, у прохода между рядами машин. Она не слышала, как он подошёл.

— Вы давно здесь?

— Достаточно, чтобы заметить: с ней вы разговариваете чаще, чем со мной.

— Она чаще ломается.

Лоренцо посмотрел на старый «Форд».

— Тогда я, пожалуй, не стану добиваться вашего внима-

ния тем же способом.

Катя не сразу поняла, что он шутит. Выражение его лица не изменилось, голос оставался ровным и холодным, но взгляд задержался на ней чуть дольше необходимого.

— Доброе утро, Лоренцо.

— Доброе утро, Катя.

Короткое имя прозвучало из его уст непривычно: не фамильярно и не мягко, а точно, словно Лоренцо позволил себе одну лишнюю степень близости и не собирался её объяснять. «Вы» при этом никуда не исчезло.

Он кивнул ей и направился к старому корпусу. Катя проводила его взглядом, потом повернулась к машине.

— Видишь, что ты делаешь?

«Форд» больше не отвечал.

На подземном уровне в этот день меняли часть кабеля и временно закрыли сектор, где обычно оставляли машины сотрудники магазинов. Охрана направляла их на открытую стоянку за старым офисным корпусом. От служебного входа приходилось идти почти семь минут, зато утром дождь едва чувствовался, и Катя решила, что автомобилю после двух недель в сервисе полезно хотя бы один день провести под открытым небом.

К обеду дождь усилился.

Рита стояла у окна комнаты отдыха и смотрела, как вода собирается на стекле длинными дорожками.

— Ты её сегодня забрала?

— В восемь двадцать.

— И она доехала?

— Не надо говорить так, будто это чудо. У неё просто сложный характер.

— У машины?

Катя открыла контейнер с обедом.

— Мы давно вместе. Уже неважно.

Рита рассмеялась и вернулась в зал. Катя посмотрела на телефон: сервис прислал гарантийный талон, чек и бодрое сообщение с просьбой оценить качество ремонта. Она поставила телефону беззвучный режим. Машине — мысленно — испытательный срок до вечера.

После шести Ирина Павловна попросила её пройти в старый корпус. Проектировщикам понадобилось ещё раз посмотреть служебный маршрут от зоны разгрузки до салона, а Катя чаще других принимала поставки и знала, где тележка проходила свободно, а где приходилось разворачивать её почти на месте.

В узком коридоре за будущим переходом пахло штукатуркой, влажным бетоном и кофе из бумажных стаканов. Часть пола уже закрыли защитной плёнкой, вдоль стены тянулись жёлтые кабель-каналы. Архитектор держала планшет с планом, Алексей Викторович объяснял, почему расширить дверной проём можно только на семь сантиметров, а Павел разговаривал по телефону у окна.

Лоренцо стоял возле открытой двери в зону разгрузки.

Катя увидела его раньше, чем он повернул голову, и на этот раз успела подготовиться к встрече. После прошлого четверга она решила, что рядом с ним следует быть особенно внимательной. Не проливать напитки, не цепляться за стулья, не высказывать при всей проектной группе то, что можно сформулировать мягче. Лоренцо Вальери и без неё создавал вокруг себя достаточно напряжения.

— Добрый вечер, — сказала она.

— Екатерина.

После утреннего «Катя» полное имя должно было вернуть дистанцию. Но у Лоренцо «Екатерина» никогда не звучала официально: он произносил его медленнее остальных слов, с такой точностью, будто внимание задерживалось на ней слишком надолго. И всё же сейчас рядом были управляющий, архитекторы и двое сотрудников технической службы, поэтому Катя выбрала нейтральное приветствие. Объяснять коллегам, почему владелец торгового центра разрешил ей обращаться к нему по имени, не хотелось.

Лоренцо задержал на ней взгляд, но ничего не добавил.

Алексей Викторович показал, где по новому плану должна была пройти доставка. Катя выслушала, попросила открыть вторую дверь и провела группу по привычному маршруту: мимо склада службы быта, через короткий коридор с низким потолком, затем направо к грузовому лифту.

— Здесь тележка не повернёт, если двери откроются наружу, — сказала она.

Архитектор увеличила фрагмент плана.

— Проход получается метр сорок.

— Сам проход — да. Но у стены всегда стоят коробки соседнего магазина. Они не должны, но стоят.

— Коробки можно запретить.

— Можно. Они всё равно будут стоять.

Лоренцо посмотрел в сторону стены, где сейчас действительно лежали три сплюсненные коробки.

— Открывание внутрь, — сказал он. — И защиту на угол.

Архитектор сделала пометку. Катя пошла дальше, стараясь не торопиться. На полу лежал ещё один кабель-канал. Она заметила его заранее, переступила и только потом обернулась, чтобы показать узкий участок возле лифта.

В этот момент технический специалист шагнул назад, освобождая проход. Катя отступила, чтобы не столкнуться с ним, каблук скользнул по краю защитной плёнки, и весь тщательно выстроенный план осторожного поведения закончился.

Она даже не успела испугаться.

Лоренцо оказался рядом прежде, чем Катя потеряла равновесие окончательно. Одна его рука легла ей на талию, другая удержала за предплечье. Катя качнулась к нему и снова, как в кафе, почувствовала под ладонью твёрдую ткань пиджака и неподвижность человека, которого её вес будто совсем не заставил напрячься.

Несколько секунд они стояли слишком близко.

— Простите, — выдохнула она.

— Хотелось бы думать, что рядом со мной у вас так кружится голова.

Катя посмотрела на него.

В лице Лоренцо не было улыбки, только в почти чёрных глазах появилось что-то непривычно тёплое.

— У меня не кружится. Я на плёнке поскользнулась.

— Я заметил.

Тепло в его взгляде стало явнее, и только тогда Катя поняла, что он пошутил.

— А. Тогда тем более простите.

Лоренцо медленно убрал руку с её талии.

— Вы всегда извиняетесь после того, как падаете на человека?

— Пока выборка слишком маленькая.

— Два раза.

— Оба на вас. Это не считается репрезентативным.

Алексей Викторович кашлянул и отвернулся к дверному проёму. Архитектор очень внимательно смотрела в планшет. Павел уже закончил разговор, но подходить к группе почему-то не спешил.

Катя посмотрела на них и поняла: никто не удивился тому, что она опять едва не упала. Они удивились Лоренцо.

— Закрепите плёнку, — сказал он техническому специалисту. — До того, как здесь пройдёт кто-нибудь ещё.

Тепло исчезло из его голоса мгновенно. Специалист ко-

ротко кивнул и поспешил к краю покрытия. Лоренцо не стал менее холодным человеком. Просто с Катей он разговаривал иначе.

Катя поправила жакет и отступила на безопасные полтора метра.

Оставшуюся часть маршрута она прошла без происшествий. Теперь Катя контролировала каждый шаг так старательно, что дважды останавливалась перед совершенно ровным полом, один раз едва не столкнулась с дверью, которую придерживал Алексей Викторович, и всё-таки задела локтем папку с образцами отделки. Лоренцо поймал её раньше, чем листы рассыпались.

— Спасибо, — сказала Катя, принимая папку.

— Не торопитесь.

— Я как раз стараюсь двигаться медленнее.

— Возможно, в этом и проблема.

Катя хотела возразить, но архитектор протянула ей развёрнутую схему. Пришлось взять широкий лист обеими руками. Волосы она утром собрала особенно тщательно, однако дождливая сырость уже вытянула из причёски тяжёлую прядь. Та скользнула по щеке, когда Катя наклонилась к плану.

Лоренцо замолчал посреди фразы.

Катя подняла взгляд. Он смотрел не на схему.

— Что?

— Простите, Екатерина. Но если я сейчас этого не сделаю,

не могу гарантировать, что никто не пострадает.

Он поднял руку.

Прохладные пальцы коснулись её виска. Лоренцо медленно отвёл прядь с лица и убрал за ухо, хотя это простое движение не требовало ни такой точности, ни такого внимания. Его пальцы на мгновение задержались возле кожи, и Катя вдруг перестала слышать объяснение архитектора, шум вентиляции и удары дождя по высокому окну.

Лоренцо опустил руку.

— Кто именно мог пострадать? — спросила она.

— Я ещё не решил.

Он сказал это совершенно серьёзно.

Катя подождала пояснения, но Лоренцо уже повернулся к архитектору и попросил показать второй вариант открывания двери. Разговор продолжился, будто ничего не произошло.

Прядь осталась за ухом.

Катя держала схему обеими руками и старалась не думать о том, что кожа у виска всё ещё помнила прохладу его пальцев. Возможно, волосы просто мешали ему смотреть на план. Возможно, он устал от её попыток убрать их движением головы. Возможно, у очень собранных людей чужая небрежность действительно вызывала желание немедленно её исправить.

Все три объяснения были разумными.

Ни одно не помогало ей снова начать двигаться естествен-

но.

* * *

К закрытию дождь превратился в плотную серую стену.

Катя переоделась в комнате для персонала и подождала десять минут в служебном холле, но на экране телефона облако над городом не собиралось никуда уходить. До открытой стоянки было меньше семисот метров. Она застегнула пальто, раскрыла маленький складной зонт и решила, что до машины добежит.

Зонт вывернуло на первом повороте.

На стоянку Катя пришла уже с мокрыми рукавами, прилипшей к ногам юбкой и волосами, которые окончательно выбрались из причёски. «Форд» стоял под фонарём, блестел от воды и выглядел подозрительно невинно.

Двигатель не завёлся.

Катя попробовала ещё раз, подождала, проверила, выключены ли фары, и позвонила в сервис. Дежурный мастер выслушал звук стартера через телефон и пообещал прислать эвакуатор примерно через час. На панели оставалось достаточно электричества для аварийных огней, но печка без двигателя не работала.

Можно было вернуться в торговый центр. Для этого пришлось бы снова пройти через всю стоянку, стройплощадку и мокрый переход, а потом объяснять охране, почему она оставила машину с аварийными огнями. Катя решила сначала проверить клеммы. Эту неисправность она уже видела

прошлой зимой и знала, что иногда достаточно подтянуть крепление.

Капот открылся не сразу. Пока Катя справлялась с замком, вода успела стечь за воротник. Под капотом всё было мокрым, тёмным и одинаково незнакомым. Телефон показывал четыре процента заряда.

* * *

Лоренцо увидел Екатерину с другого конца стоянки.

Совещание закончилось позже обычного. Водитель уже сворачивал к выезду, когда в свете фонаря показалась старая машина с поднятым капотом и женская фигура рядом. С этого расстояния нельзя было различить лица. Лоренцо различил рыжие волосы, потемневшие от воды.

— Остановитесь.

Сектор подземного паркинга закрыли из-за работ, которые он сам утвердил. Сотрудников магазинов временно отправляли на стоянку за старым корпусом. Решение было нормальным, маршрут согласованным, расстояние от служебного входа — допустимым.

Ни одно из этих обстоятельств не объясняло, почему Екатерина стояла под дождём без целого зонта и пыталась рассмотреть что-то под капотом при свете телефона.

Лоренцо вышел прежде, чем водитель успел обойти машину, взял у него зонт и пересёк стоянку. На последних метрах спокойный шаг потребовал усилия. Вода стекала с Катиных волос за воротник, рукава пальто промокли почти до

локтей, пальцы, державшие телефон, побелели от холода.

Что именно сломалось в машине, Лоренцо не заинтересовало.

— Катя. В машину.

— Добрый вечер.

— Сейчас эвакуатор приедет.

— Прекрасно.

Он снял пальто и накинул ей на плечи поверх мокрого. От ткани пахло хорошей кожей, сухим деревом и дождём. Тепла в самом пальто почти не осталось, но оно было тяжёлым и сразу закрыло её от ветра.

— Я не могу оставить машину открытой.

Лоренцо закрыл капот одним движением.

— Теперь можете.

— Там инструменты и документы.

— Возьмите документы.

Екатерина посмотрела на него так, будто собиралась спорить, затем всё же достала из салона сумку, папку из бардачка и попыталась закрыть дверь. Ключ выскользнул из замёрзших пальцев.

Лоренцо поймал его раньше, чем тот упал в лужу.

Она посмотрела на свою ладонь.

— Это дождь.

— Разумеется.

Он открыл перед ней заднюю дверь. В салоне уже работала печка, водитель положил на сиденье сложенный шерстя-

ной плед. Екатерина села и завернулась в него поверх пальто. Тёмная шерсть мелко дрожала в её руках.

Лоренцо остался снаружи. Пока водитель убирал сломанный зонт в багажник, он позвонил начальнику охраны.

— Открытая стоянка за старым корпусом. Тёмно-синий «Форд», аварийные огни включены. Встретьте эвакуатор, ключи передам вашему сотруднику. Проследите, чтобы машину забрали.

Ни одного вопроса Кате он не задал. Эвакуатор был вызван, документы лежали у неё на коленях, остальное Лоренцо уже решил сам.

Дождь ложился на его волосы и плечи пиджака. Катя взялась за край пальто, словно собиралась вернуть его, но в этот момент со стороны служебного прохода появился Максим.

Он шёл быстро, держал над головой большой зонт, а в другой руке нёс небольшой ящик с инструментами.

— Катя!

Лоренцо обернулся.

Максим заметил его, на секунду замедлил шаг, но всё равно подошёл к «Форду».

— На посту сказали, твоя машина до сих пор на стоянке. Что случилось?

— Не заводится. Сервис обещал эвакуатор.

Максим поставил ящик на асфальт у переднего колеса.

— Открой капот. Я посмотрю, там после ремонта клемму могли не затянуть. Пять минут.

— Не нужно, — сказал Лоренцо.

Максим перевёл на него взгляд.

— Я пришёл помочь Кате.

— Вы пришли починить машину. Ею займётся сервис.

— Я почию её сейчас и отвезу Катю домой.

— Нет.

В одном слове не было ни вызова, ни раздражения. Только холодная завершенность решения.

— Что значит «нет»?

— Катя никуда не выйдет из этой машины. Она промокла, замёрзла и сейчас едет со мной.

— Это Катя решит.

— Она уже сидит в тепле. Решать здесь нечего.

Катя сжала край пледа.

В другое время уверенность, с которой Лоренцо распорядился её ближайшим часом, непременно заставила бы спорить. Сейчас Катя устала, замёрзла и хотела только согреться и попасть домой.

— Макс, пожалуйста. Не сейчас. Я правда уже насквозь мокрая.

Максим посмотрел на неё внимательнее. Раздражение в его лице сменилось беспокойством.

— Тогда я отвезу.

— В этом нет необходимости, — сказал Лоренцо.

— Здесь уже тепло, — добавила Катя. — Правда.

Со стороны въезда показалась машина охраны. Она оста-

новилась возле «Форда», и Лоренцо передал ключ вышедшему сотруднику.

— Эвакуатор уже в пути. Передайте ключ водителю и проследите, чтобы машину доставили в сервис.

Охранник кивнул.

— Я дождусь, — сказал Максим.

— Как пожелаете.

Голос Лоренцо оставался безупречно вежливым и давал понять: участие Максима больше ничего не меняло.

Катя опустила стекло.

— Макс.

Он посмотрел на неё.

— Спасибо, что пришёл.

— Напиши, когда доберёшься.

— Хорошо.

Катя подняла стекло. Лоренцо обошёл машину и сел рядом.

Через несколько секунд машина выехала со стоянки. Екатерина обернулась: Максим стоял под зонтом возле старого «Форда», а рядом уже разворачивалась машина охраны.

Данилов действительно мог найти неисправность, затянуть клемму и через десять минут отвезти её домой. Его помощь была разумной и, возможно, достаточной.

Лоренцо даже не заглянул под капот.

Только теперь он заметил, насколько естественно выстроил приоритеты. Сломанная машина требовала решения.

Промокшая Екатерина — тепла. Эти задачи ни на секунду не оказались для него равными, хотя ещё месяц назад он поручил бы обе первому свободному сотруднику и не вспомнил о них до отчёта.

В этом не было опасности, необходимости или долга. Она могла замёрзнуть, могла простудиться — и одной возможности оказалось достаточно, чтобы Лоренцо вышел под дождь сам.

Осознание не заставило его передумать. Только внимательнее посмотреть на женщину рядом.

Он сидел рядом без пальто, в промокшем по плечам пиджаке, и смотрел, как дрожь постепенно отпускает её руки.

— Назовите адрес, — сказал водитель.

Катя назвала улицу.

На экране навигатора появилось тридцать четыре минуты.

— Сначала ко мне, — сказал Лоренцо.

Водитель кивнул и перестроился в сторону центра.

Катя повернулась к нему.

— Зачем?

— До него семь минут. Вы высохнете, согреетесь, после этого я отвезу вас.

— Я могу высохнуть у себя.

— Через тридцать четыре минуты.

— Я не заболею от одного дождя.

Лоренцо опустил взгляд на её руки. Пальцы всё ещё дрожали на тёмной шерсти пледа.

— Разумеется, — сказал он. — Именно поэтому вы сейчас едва удерживаете ткань.

Екатерина сжала пальцы сильнее. Она всё ещё могла отказать, и Лоренцо ждал, не добавляя новых доводов.

— Только ненадолго.

— Конечно.

Лоренцо произнёс это спокойно. Екатерина прищурилась, словно заподозрила, что продолжительность «ненадолго» он уже тоже определил сам.

* * *

Дом Лоренцо стоял не за городом и даже не в закрытом новом квартале.

Машина свернула с оживлённого проспекта в тихую улицу недалеко от центра, проехала вдоль непрерывного ряда старых фасадов и остановилась у высоких тёмных ворот. За ними оказался небольшой внутренний двор и трёхэтажный особняк из светло-серого камня. Он не прятался за садом и длинной подъездной дорогой — был частью города, тесно стоял между соседними домами и смотрел высокими окнами на мокрую мостовую.

Фасад казался строгим: без колонн, позолоты и каменных львов. Только тонкая резьба вокруг окон, тёмный металл балконов и старый герб над дверью, который Катя не успела рассмотреть.

— Я почему-то думала, вы живёте за городом, — призналась она, когда Лоренцо открыл дверь.

— У меня есть загородный дом.

— Но вы выбрали этот.

— Я люблю центр.

— Вас не раздражает шум?

— У этого дома достаточно толстые стены.

Внутри действительно было тихо. Закрывшаяся дверь оставила машины и дождь снаружи, будто улицу выключили. В просторном холле тёмное дерево соседствовало со светлым камнем, под ногами едва чувствовалось тепло, а высокая лестница уходила на второй этаж вдоль стены с несколькими картинами. Дом был старым, но не выглядел музеем. На консоли лежали ключи и раскрытый конверт, возле шкафа стояла пара мокрых ботинок, в глубине коридора горела обычная напольная лампа.

Здесь пахло так же, как от Лоренцо: дождём на камне, хорошей кожей и сухим деревом. Только дым ощущался сильнее.

Лоренцо снял с её плеч своё пальто, затем помог Кате снять её промокшее пальто и повесил оба в шкаф с тёплым воздухом.

— Ванная для гостей справа. Я принесу одежду.

— Не нужно, моя почти высохла.

Лоренцо посмотрел на тёмные от воды рукава.

— Катя.

— Хорошо.

Ванная оказалась больше Катиной кухни, но удивило её

не это. В ней не было ни показной роскоши, ни вещей, которые страшно трогать: тёплый серый камень, большое зеркало, стопка белых полотенец, закрытые шкафы без десятков флаконов. За одной из дверей обнаружился сушильный шкаф. Катя сняла мокрую одежду, завернулась в полотенце и услышала негромкий стук.

За дверью на скамье лежали чёрная рубашка, мягкие серые брюки и новые носки.

Рубашка доходила почти до середины бедра. Брюки пришлось затянуть шнурком и дважды подвернуть. Катя посмотрела на себя в зеркало и решила, что хотя бы волосы больше не пытаются изображать строгую причёску: после полотенца они лежали по плечам тяжёлыми влажными волнами.

Лоренцо ждал в комнате напротив холла.

Пока она переодевалась, он успел сменить пиджак на тёмный свитер и разжечь камин. Огонь только начинал охватывать поленья, отражаясь в стекле высоких окон. В комнате стояли два низких дивана, старое кожаное кресло и длинный стол, на котором лежали раскрытая книга, несколько документов и очки в тонкой оправе. Книжные шкафы занимали целую стену. Между ними висели картины без подписей и подсветки, словно их выбрали не для коллекции, а потому что хозяин хотел видеть именно эти лица и пейзажи.

На краю дивана лежал небрежно сложенный плед. У камина стояла чашка, оставленная, вероятно, ещё утром. Всё в

комнате было дорогим, но ни одна вещь не казалась поставленной для впечатления.

Его взгляд медленно прошёл от подвернутых брюк к слишком длинным рукавам, остановился на распушенных волосах и вернулся к её лицу.

— Не смейтесь, — предупредила она.

— Я не смеюсь.

— Это ещё хуже.

— Почему?

Катя закатала один рукав.

— Потому что я не понимаю, что вы думаете.

— Сейчас?

— В целом.

Лоренцо подошёл к столу и налил чай из небольшого тёмного чайника. Рядом уже стояли лимон, сахар и тарелка с нарезанным хлебом и сыром.

— Сейчас я думаю, что вы перестали дрожать.

Он протянул ей чашку. Катя обхватила её ладонями и почувствовала, как тепло возвращается к пальцам.

— Спасибо.

Лоренцо сел в кресло напротив, оставив ей весь диван. Огонь за его плечом делал комнату светлее, но лицо по-прежнему оставалось спокойным и почти непроницаемым.

Катя отпила чай.

— Максим, скорее всего, починил бы машину на месте.

— Возможно.

— Вы даже не посмотрели, что с ней.

— Нет.

— Почему?

Лоренцо повернул на пальце старый перстень.

— Потому что машина была не единственной, кто стоял под дождём.

Катя замерла с чашкой у губ.

— Со мной ничего страшного не происходило.

— Вы промокли и замёрзли.

— Это не опасно.

— Не всё требует опасности, чтобы о вас позаботились.

Он произнёс это без нажима, как простую вещь, которую Катя почему-то не учла. Ей захотелось найти привычное объяснение: гостеприимство, ответственность владельца за сотрудницу, обычная порядочность взрослого человека. Ни одно не объясняло, почему Лоренцо сам вышел под дождь, отдал ей пальто и привёз в собственный дом, хотя мог поручить водителю отвезти её куда угодно.

Катя посмотрела на огонь.

— Максим тоже пришёл помочь.

— Я знаю.

— Вы были с ним очень холодны.

— Он собирался оставить вас под дождём ещё на пять минут.

— Чтобы потом отвезти домой.

— Через пять минут, которые считал несущественными.

Катя улыбнулась краем губ.

— Вы его ревнуете к моей машине?

Лоренцо долго смотрел на неё.

— Нет, Катя. К машине — нет.

Ответ прозвучал настолько ровно, что Катя не сразу поняла, где именно закончилась шутка.

Она сделала ещё глоток. Лоренцо не отвёл взгляда. Распущенные волосы снова упали ей на щёку, и Катя машинально потянулась убрать их.

— Они правда так вам мешают? — спросила она.

— Да.

— Почему?

Лоренцо мог придумать десяток ответов. Катя видела это по короткой паузе.

— Потому что я слишком давно хотел узнать, какие они на ощупь.

Теперь шутки не было совсем.

Пальцы Кати остановились возле виска. В комнате тихо треснуло полено. За толстыми стенами старого дома продолжался дождь, но здесь его было почти не слышно.

— И какие? — спросила она, прежде чем успела решить, стоит ли.

Взгляд Лоренцо опустился к пряди у её пальцев.

— Мягче, чем я думал.

Катя убрала волосы за ухо сама.

Лоренцо едва заметно улыбнулся.

Сушильный шкаф подал сигнал из коридора. Катя поднялась слишком быстро, задела коленом край низкого столика и успела поймать чашку обеими руками.

Лоренцо не двинулся с места.

Только посмотрел на неё.

— Ни слова, — попросила Катя.

— Я ничего не сказал.

— Но подумали.

— Очень многое.

На этот раз она поняла шутку сразу.

Через двадцать минут Катя снова была в своей одежде. Рубашку, брюки и носки она аккуратно сложила на скамье в ванной, хотя Лоренцо сказал, что этим можно не заниматься. Её пальто осталось чуть влажным, поэтому он снова подал своё.

— Я верну, — сказала Катя.

— Не сомневаюсь.

До её дома они доехали молча. Дождь слабел, фонари отражались в мокром асфальте, и тёплое пальто Лоренцо лежало у Кати на плечах. Теперь в его запахе она безошибочно узнавала дом: старый камень после ливня, сухое дерево и комнату, где уже разожгли огонь.

У подъезда водитель открыл дверь. Лоренцо вышел вместе с ней и проводил до крыльца.

— Машину доставят в сервис сегодня, — сказал он. — Утром вам позвонят.

— И выставят счёт вашему холдингу?

— Нет. Сервису, который вернул неисправную машину.

— Вы успели решить и это?

— В машине было тепло. У меня появилось время.

Катя улыбнулась. В окне первого этажа качнулась занавеска — Тамара Григорьевна, вероятно, уже оценивала незнакомое пальто и слишком чистую машину у подъезда.

Катя взялась за дверь, потом обернулась.

— Спасибо, Лоренцо.

Он посмотрел на неё внимательнее.

— За чай?

— За то, что сначала увидели меня, а потом машину.

Несколько секунд Лоренцо молчал.

— Это было несложно, Екатерина.

Она хотела спросить почему, но сегодня он уже один раз ответил ей честнее, чем она ожидала.

— Доброй ночи.

— Доброй ночи.

Катя вошла в подъезд. Дверь закрылась, оставив Лоренцо под навесом одного.

В прошлый четверг она произнесла за вечер четыре чужих имени и ни разу — его.

Сегодня сказала только одно.

Глава 9

Когда Лоренцо вернулся, в доме ещё пахло Екатериной.

Не духами — она почти ими не пользовалась. В тёплой комнате остались влажная шерсть, чай с лимоном, немного шампуня и человеческое тепло, которое слишком быстро исчезало из вещей. Чашку уже унесли, огонь в камине опустился ниже, но на спинке дивана держалась едва заметная впадина от её плеча.

Лоренцо остановился в дверях.

Он мог различить шаги водителя во дворе, движение машины за воротами и воду, стекавшую по медному желобу с крыши. На втором этаже старые часы переводили минутную стрелку. За стеной соседнего дома кто-то закрыл окно, и на несколько секунд стал слышнее вечерний город: шины по мокрому асфальту, сигнал на перекрёстке, далёкий смех.

Екатерины не было уже сорок три минуты.

Её сердце он слышал ещё в машине, когда дрожь только начала отпускать пальцы. Потом — в этой комнате, с другого конца стола. Ровный ритм становился чуть быстрее всякий раз, когда Лоренцо называл её Катей, и почти сбился после ответа о волосах.

Она могла сколько угодно объяснять себе его поступки ответственностью владельца торгового центра.

Собственное сердце объяснить было бы сложнее.

Лоренцо снял пиджак и прошёл в кабинет. За одной из деревянных панелей находился небольшой медицинский холодильник. Утром служба оставила в нём очередной герметичный контейнер: имя курьера, время доставки, температура при передаче. Система работала без сбоев много лет. Люди, сдававшие кровь, не знали, для кого она предназначена. Люди, доставлявшие контейнеры, считали Лоренцо владельцем частной клиники с несколькими странными привычками. Полную цепочку видели трое.

Он вскрыл упаковку, достал тёмный пакет и перелил кровь в бокал.

Запах наполнил комнату раньше, чем жидкость коснулась стекла. Тёплый металл, соль, остаточный след лекарств, которые принимал донор. Молодой мужчина, здоровый, накануне пил слишком много кофе. Лоренцо не требовалось знать ничего из этого, чтобы насытиться. Он просто знал.

Первые глотки сняли напряжение, которое весь вечер оставалось глубоко под кожей. Обострённый слух стал тише, запахи перестали распадаться на десятки отдельных слоёв. Голод отступал без боли и удовольствия — так же буднично, как у человека исчезала жажда после стакана воды.

Лоренцо допил кровь, вымыл бокал и вернул его на полку. В доме по-прежнему пахло Екатериной.

Голод исчез.

Ничего другого не изменилось.

* * *

В понедельник Лоренцо узнал её шаги ещё до того, как открылась дверь старого корпуса.

За стеной работала дрель, в дальнем кабинете спорили о вентиляции, по лестнице одновременно поднимались трое монтажников. Один прихрамывал после старой травмы, второй наступал тяжелее на правую ногу, у третьего в кармане звенели металлические крепления. Екатерина шла одна. Её каблуки касались каменного пола ровно, без спешки, но перед каждой незнакомой дверью она чуть замедлялась.

После четверга осторожность не прошла.

Лоренцо закрыл папку с расчётами за мгновение до негромкого стука.

— Войдите.

Екатерина открыла дверь и остановилась на пороге. В руках она держала большое тёмное пальто в прозрачном чехле. Волосы сегодня были собраны в низкий узел, тяжёлый и не слишком строгий; возле виска уже выбилась знакомая прядь.

— Добрый день. Я не помешала?

— Нет.

На другом конце стола Павел просматривал договор с подрядчиком. Он поднялся, поздоровался с Катей и, не задавая вопросов о мужском пальто в её руках, собрал бумаги.

— Я закончу в соседнем кабинете.

— В этом нет необходимости, — сказал Лоренцо.

— Разумеется.

Павел вышел.

Екатерина посмотрела ему вслед, затем снова на Лоренцо.

— Мне кажется, он всё равно решил, что необходимость есть.

— Павел редко ошибается.

Она не сразу поняла, что он подтвердил.

Лоренцо подошёл ближе и принял пальто. Химчистка вернула ткани прежнюю форму и почти уничтожила все чужие запахи. Почти. На внутренней стороне воротника оставался лёгкий след её шампуня.

— Вы могли передать его через администратора, — сказал он.

— Могла. Но тогда я не увидела бы, дошло ли оно до вас.

— Я начинаю надеяться, что пальто было только поводом.

Катя серьёзно посмотрела на чехол в его руке.

— Нет, оно действительно ваше.

Лоренцо молчал несколько секунд.

— Вы сейчас снова пошутили? — спросила она.

— Попытался.

— Простите. С утра уже два клиента говорили со мной намёками. Видимо, закончился лимит.

— Должен признать, мой случай был значительно тяжелее.

Она улыбнулась. Пульс остался ровным.

— Как машина? — спросил Лоренцо.

— В сервисе. Они нашли плохо закреплённую клемму, извинились и обещали вернуть завтра. Максим оказался прав.

— Это должно его утешить.

— Я ему ещё не сказала.

— Тогда у него остаётся шанс на прекрасный день.

Катя снова улыбнулась, теперь заметнее. С другими людьми Лоренцо не испытывал потребности заполнять разговор вещами, которых не требовало дело. Рядом с ней пауза впервые за долгое время казалась не удобством, а упущенной возможностью.

— Вы знали, что это я? — спросила она.

— Когда?

— До того, как я постучала. Вы сказали «войдите» сразу. Я ещё руку не успела убрать.

— Знал.

— По шагам?

— В том числе.

Катя нахмурилась.

— Я громко хожу?

— Нет.

— Тогда по чему?

Лоренцо слышал её дыхание. За дверью монтажник поставил на пол металлическую раму, и по коридору прошла короткая вибрация. Павел перевернул страницу в соседнем кабинете. На улице, за толстыми стенами, автобус остановился у перекрёстка.

— Вы делаете короткую паузу перед незнакомыми дверями, — ответил он.

— Я проверяю номер.

— Сегодня не проверяли.

— Потому что уже знала, куда идти.

— Именно.

Это объяснение её устроило. Катя не спросила, как он отличил одну короткую паузу среди десятков шагов за стенами.

Лоренцо повесил пальто на край высокого шкафа и открыл дверь в коридор.

— Вы возвращаетесь в салон?

— Да. Ирина Павловна отпустила меня на пятнадцать минут.

— Я провожу.

— Я помню дорогу.

— Я тоже.

Екатерина приняла это за ещё одну сухую шутку и вышла первой.

В старом корпусе готовили проём будущего перехода. Часть защитных ограждений уже убрали, вдоль стены лежали панели облицовки, а в широком коридоре монтажники примеряли металлическую раму для декоративного портала. Её поставили на низкую платформу с колёсами, чтобы проверить высоту и положение креплений до окончательной установки.

Путь к торговому центру оставался свободным. Катя обошла рулон защитного покрытия по такой широкой дуге, словно внутри него могла скрываться ловушка.

— Вы можете идти рядом, — сказал Лоренцо.

— Я и иду.

Между ними оставалось почти два метра.

— Это спорное утверждение.

Катя взглянула на него, но расстояние не сократила. После второго падения она решила, что осторожность зависит исключительно от неё, и теперь контролировала каждый шаг с такой сосредоточенностью, что почти перестала видеть всё остальное.

Впереди Алексей Викторович обсуждал с подрядчиком высоту портала. Услышав Катин голос, он обернулся и попросил её подойти: нужно было уточнить, не мешает ли конструкция сотрудникам салона при доставке длинных коробок. Катя остановилась возле нанесённой на пол разметки и посмотрела вверх.

— Если оставите такую ширину, обычная тележка пройдёт. Но человек с коробкой всё равно будет разворачиваться вот здесь.

Она показала рукой на поворот и сделала шаг назад, чтобы видеть весь маршрут.

Лоренцо услышал тихий металлический щелчок.

Левое колесо платформы попало в стык между листами защитного настила. Нагрузка сместилась. Один монтажник ещё держал раму за край, второй наклонился к тормозу и не видел, как верхняя часть медленно пошла в сторону коридора.

Екатерина собиралась отступить ещё раз.

— Катя, остановитесь.

Она замерла.

Верхний край рамы начал падать.

Лоренцо оказался рядом прежде, чем монтажник успел крикнуть. Левая ладонь легла на холодный металл и остановила движение. Конструкция отозвалась тяжестью — слишком малой, чтобы заставить его напрячься, и слишком большой для человеческой руки.

Правую он протянул Кате.

— Теперь шаг ко мне.

Она посмотрела на раму над собой, затем вложила ладонь в его и шагнула через разметку. Лоренцо отвёл её себе за спину, не отпуская руки.

Только после этого монтажники подхватили конструкцию. Первый взялся за нижний край, второй позвал третьего. Втроём они медленно вернули раму на платформу и закрепили ремнями. По их напряжённым лицам стало понятно, сколько на самом деле весил металл, который Лоренцо несколько секунд удерживал одной рукой.

В коридоре стало тихо.

Алексей Викторович первым посмотрел на Катю.

— Вы не ушиблись?

— Нет. Она меня даже не коснулась.

Катя всё ещё стояла за плечом Лоренцо. Её пальцы лежали в его ладони, пульс бился быстро и отчётливо. Не от го-

лода он различал каждый удар. Голода не было. Ему просто нравилось, что между этим живым ритмом и падающим металлом оказался он.

— Крепления проверяли? — спросил Лоренцо.

Голос прозвучал спокойно. Один из монтажников сразу шагнул к платформе.

— Да. Верх зафиксировали, колесо попало в стык.

— Уберите её из прохода и закрепите платформу с двух сторон. Следующую примерку проведёте после проверки настила.

— Понял.

Лоренцо посмотрел на Екатерину.

— Видите? Вы всё-таки можете оказаться рядом со мной, не падая.

Она перевела взгляд с него на их соединённые руки.

— Но вы сами велели мне подойти.

— Пока это единственный способ, который работает.

Алексей Викторович отвернулся к монтажникам. Подрядчик вдруг очень заинтересовался тормозом платформы. Павел стоял в дверях соседнего кабинета и смотрел не на раму, а на руку Лоренцо.

Катя, кажется, заметила только то, что он всё ещё её держит.

— Господин Вальери.

Он разжал пальцы.

— Простите.

— Вы не сделали ничего плохого. Просто уже можно отпустить.

— Я не был уверен.

— Что снова не упаду?

— Что захотите отойти.

Катя задержала на нём взгляд. Ритм её сердца сбился на один удар и продолжился быстрее.

На этот раз она точно должна была понять.

— Здесь всё ещё стройка, — сказала она наконец. — Лучше не стоять в проходе.

Лоренцо посмотрел на свободное пространство вокруг них.

— Разумеется.

Она отошла к стене и теперь обходила даже небольшие неровности пола. Перед оставленным у панели ящиком Катя остановилась заранее, оценила расстояние и прошла так осторожно, будто внутри лежало что-то взрывоопасное.

— Вы не можете убрать всё, обо что я способна споткнуться, — сказала она, заметив его взгляд.

— Екатерина, вы явно недооцениваете мои возможности.

Катя посмотрела на металлическую раму, которую трое мужчин всё ещё укрепляли ремнями.

На короткое мгновение в её лице появилось сомнение. Она видела, как далеко Лоренцо стоял. Видела его ладонь на металле. Видела усилие монтажников.

— Вы очень сильный, — произнесла она.

Это не было вопросом.

— Да.

— И очень быстро двигаетесь.

— Когда нужно.

Катя снова перевела взгляд на раму.

— Хорошая реакция.

Она выбрала самое обычное из всех возможных объяснений. Не потому, что была невнимательной. Напротив, Екатерина заметила слишком много: расстояние, скорость, вес. Но человек сначала искал границу возможного внутри знакомого мира и только потом признавал, что границы могло не быть.

Лоренцо веками рассчитывал именно на это.

Сегодня человеческая разумность почему-то не принесла привычного удовлетворения.

— Вы испугались? — спросил он.

— Не успела.

— Это не то же самое.

— Тогда, наверное, испугаюсь вечером. Я обычно всё важное понимаю с задержкой.

Она сказала это о раме.

Лоренцо слышал значительно больше.

До дверей торгового центра они дошли медленно. Теперь Катя держалась ближе, хотя, вероятно, объясняла это отсутствием безопасного места у стен. Возле перехода она остановилась.

— Спасибо.

— За что именно?

— За то, что предупредили.

— Я удержал раму, которая падала на вас.

— Но сначала предупредили. Поэтому мне не пришлось снова падать вам в руки.

— Я ещё не решил, считать ли это улучшением.

Катя рассмеялась. За стеклянной дверью двое сотрудников технической службы обернулись на звук. Потом увидели Лоренцо и почти одновременно отвели глаза.

— Вам всё-таки не нравится, когда я падаю, — сказала она.

— Мне не нравится, что это ваша причина оказаться рядом.

Она задумалась, но лишь на мгновение.

— У меня нет такой причины. Я просто неловкая.

— Именно это я и пытаюсь исправить.

Катя снова приняла невозможное признание за шутку. Пожелала ему хорошего дня и пошла к салону, внимательно обходя стыки на каменном полу.

Лоренцо смотрел ей вслед.

Возможно, одной скорости было недостаточно.

* * *

Михаил приехал после одиннадцати.

Он не пользовался парадным входом, хотя охрана знала его много лет. Оставил машину на соседней улице, прошёл

через внутренний двор и поднялся в кабинет без сопровождения. Лоренцо услышал его ещё за воротами и успел закрыть отчёт о происшествии в старом корпусе.

— Если ты собираешься каждую неделю лично спасать сотрудников от строительных конструкций, придётся расширить твою должностную инструкцию, — сказал Михаил вместо приветствия.

— Павел?

— Отчёт службы безопасности. Трое монтажников уже уверены, что видели чудо, а управляющий объясняет им ад-реналином и хорошей физической формой владельца.

Михаил снял пальто и сел в кресло напротив стола. С виду он был моложе Лоренцо на несколько лет, хотя разница между ними давно измерялась не лицами. Светлые глаза задержались на старом перстне.

— Ты стал неосторожен.

— Я остановил раму.

— В этом и заключалась неосторожность.

Лоренцо ничего не ответил.

Михаил знал его достаточно давно, чтобы не объяснять очевидное. Если бы под металлом оказался любой другой человек, Лоренцо выбрал бы скорость, которую можно принять за отличную реакцию, и силу, которую способен показать очень крепкий мужчина. Сегодня он сначала убрал Екатерину из опасности и только потом подумал, сколько людей смотрит.

— Она заметила? — спросил Михаил.

— Да.

— Поняла?

— Нет.

— Тогда у тебя ещё есть время.

Михаил достал из внутреннего кармана тонкую папку и положил на стол. Внутри лежали распечатанные кадры с камер торгового центра. Незнакомый мужчина появился на первом у входа в старый корпус. Тёмная куртка, кепка, лицо повёрнуто в сторону. На втором он уже стоял у закрытого служебного перехода.

Под кадрами было указано время.

Между ними прошло одиннадцать секунд.

Обычному человеку понадобилось бы не меньше двух минут, даже если бы коридоры были пусты и обе двери открыты. Ни один электронный замок не сработал. На промежуточных камерах мужчина не появился.

— Это сегодняшнее? — спросил Лоренцо.

— Восемнадцать сорок две. Через семь минут он вышел со стороны разгрузки и смешался с людьми у остановки.

— Лицо?

— Ни разу полностью. Но он точно тот же, кого нашли возле кафе и на третьем этаже. Рост, плечи, левая рука, манера ставить ногу.

Лоренцо перелистнул кадры. На одном незнакомец держал ладонь у кармана, и под рукавом виднелась узкая тёмная

полоса. Шрам или ремешок — по изображению определить было невозможно.

— Человек мог пройти через техническое помещение.

— Мог. Тогда ему понадобился бы ключ, которого нет в журнале, и ещё минута. Я проверил маршрут сам.

— Ты считаешь, что он один из нас.

— Я считаю, что человек не проходит сто шестьдесят метров и две закрытые двери за одиннадцать секунд.

Михаил говорил без тревоги, но больше не шутил.

Лоренцо вернулся к первому кадру. Мужчина выбрал место, откуда был виден вход в старый корпус и окна кабинета на втором этаже. Лоренцо провёл там почти весь понедельник. Неизвестный появился за несколько минут до его приезда и ушёл вскоре после того, как машина покинула внутренний двор.

— Он следил за мной, — произнёс Лоренцо.

— И позволил камерам это увидеть.

Перстень на руке стал тяжелее.

Больше ста лет кто-то хранил его не ради золота. Вернул в современную систему Лоренцо, заставил открыть старые записи, проверить коллекцию, вспомнить людей, которых он предпочитал считать мёртвыми. Теперь неизвестный показывал ему скорость, не выдавая лица.

Это ещё не было нападением.

Это было напоминанием о возможностях.

— Усиьте контроль доступа в старый корпус, — сказал

Лоренцо. — Общий режим торгового центра не меняйте. Он наблюдает за мной, не за зданием.

— Согласен.

Кафе, третий этаж, старый корпус. Во всех трёх местах неизвестный появлялся рядом с Лоренцо и исчезал следом за ним. Рисунок стал достаточно ясным.

Лоренцо закрыл папку.

Они обсудили охрану, доступ к городским камерам и список тех, кто мог знать историю перстня. Михаил предложил проверить два имени в Праге и одно в Вене. Лоренцо согласился, хотя ни одно не объясняло возвращение кольца именно сейчас.

Когда все решения были приняты, Михаил убрал копии кадров обратно в папку.

— Есть что-то ещё?

Лоренцо посмотрел на него.

За несколько веков они обсуждали войны, голод, сделки, убийства, исчезновения и необходимость начинать новую жизнь под очередным именем. Лоренцо спрашивал мнение Михаила, когда ответ требовал чужого опыта. С женщинами чужой опыт ему никогда не требовался.

До Екатерины.

— Да.

Михаил ждал.

— Как дать женщине понять, что она мне интересна, если любое моё предложение она принимает за распоряжение,

благодарность или рабочую необходимость?

Михаил не изменился в лице. Только очень медленно положил папку обратно на стол.

— Повтори.

— Ты слышал.

— Я хочу убедиться, что прожил достаточно долго для этой минуты.

— Михаил.

Тот откинулся в кресле и впервые за вечер улыбнулся.

— Ты пробовал пригласить её на свидание?

— Нет.

— Тогда загадка кажется не такой сложной.

— Приглашение на ужин она сочтёт благодарностью за помощь с проектом. Кофе уже сочла взаимозачётом. Пальто вернула лично и уверена, что единственной причиной было пальто. Сегодня я сказал, что не уверен, захочет ли она отойти от меня.

— И?

— Она решила, что мешает проходу.

Михаил несколько секунд смотрел на него, затем рассмеялся.

Лоренцо позволил ему закончить.

— Прости, — сказал Михаил. — Нет, не могу. Ты веками заставлял людей понимать намёк по одному повороту головы.

— Екатерина не работает на меня.

— Но каждый день работает в твоём здании и знает, что оно принадлежит тебе.

— Это не делает её моей подчинённой.

— Вот в этом и проблема. Для неё ты прежде всего владелец здания, человек с другим положением и привычкой говорить так, будто решение уже принято. Всё, что ты делаешь, она переводит на язык, где ей безопасно: работа, вежливость, ответственность.

Лоренцо повернул перстень на пальце.

— Я знаю.

— Тогда перестань оставлять ей возможность перевести.

— Приказать?

— Назвать вещи своими именами. Принеси ей кофе не за консультацию, а потому что хотел её увидеть. Позови на ужин и скажи, что это не рабочая встреча.

Перстень тяжело сдвинулся под большим пальцем.

— Она может отказаться.

— Может. Но тогда тебе придётся услышать настоящий отказ, а не очередное объяснение про проект и благодарность.

— И ты предлагаешь мне отступить?

Михаил посмотрел на него и усмехнулся.

— Нет. Я достаточно давно тебя знаю, чтобы не давать советов, которым ты всё равно не последуешь.

Лоренцо не требовалось учиться ухаживать за женщиной. Нужно было только перестать прятать собственное желание

за поводами, которые Екатерина неизменно принимала за единственную причину.

Она не собиралась угадывать.

В следующий раз ей не придётся.

Глава 10

Разговор с Максимом занял меньше времени, чем Катя успела на него потратить в собственной голове.

Во вторник вечером сервис вернул машину. Максим дождался её на стоянке, открыл капот, проверил клеммы и поставил Катю трижды завести двигатель. «Форд» выполнил всё без возражений и даже не зажёг ни одного лишнего значка на панели.

— Похоже, жить будет, — сказал Максим, закрывая капот.

— Ты каждый раз говоришь это таким тоном, будто надеешься ошибиться.

— Я просто не хочу, чтобы он снова сломался там, где тебя найдёт Вальери.

Катя посмотрела на него поверх крыши машины.

— Вальери здесь ни при чём.

— Конечно.

Максим вытер руки салфеткой и выбросил её в урну. Он улыбался, но продолжать шутку не стал. Несколько секунд они стояли под белым светом фонаря, слушая ровный шум двигателя. После второго свидания прошло несколько дней. Катя всё это время собиралась подобрать правильные слова, чтобы не обидеть человека, которого давно знала и совсем не хотела терять.

— Макс...

— В пятницу никуда не пойдём, — сказал он.

— Я как раз хотела предложить.

— Знаю. У тебя лицо становится очень серьёзным, когда ты собираешься сказать что-нибудь неприятное.

— Неприятное?

— Обычно после слов «ты хороший» ничего особенно приятного не происходит.

Катя прислонилась бедром к двери машины.

— Я не собиралась говорить, что ты хороший.

— Спасибо.

— Я собиралась сказать, что мы ужасно ходим на свидания.

Максим подумал и кивнул.

— Это правда. Ужинать у нас получалось намного лучше, пока мы не пытались понять, должны ли в конце поцеловаться.

На первом свидании он обнял её у подъезда чуть дольше обычного. После второго они простояли возле машины минуты три, обсуждая погоду, новый график охраны и то, что Катя утром снова отвезёт «Форд» в сервис. Ни один не сделал следующего движения. Оба заметили.

— Значит, вернёмся к обычным ужинам? — спросила Катя.

— И кофе.

— И жалобам на машину.

— На машину можешь жаловаться только после диагностики.

Максим подошёл и обнял её — теперь легко и привычно, без паузы, в которой от них обоих ожидалось что-то ещё.

— Договорились, Кать.

Она прижалась щекой к его куртке и наконец выдохнула.

Ничего не сломалось. Кроме отношений, которых между ними, кажется, так и не началось.

* * *

В четверг Лоренцо приехал в торговый центр на сорок минут раньше совещания.

Павел ждал его в старом корпусе с обновлёнными расчётами, архитекторы уже проверяли ширину перехода, а Алексей Викторович прислал короткое сообщение о том, что задержится на пять минут. Ни один рабочий вопрос не требовал останавливаться у кофейни на втором этаже.

Лоренцо всё равно остановился.

В прошлый раз Екатерина выбрала большой капучино без сахара. Сделала заказ, не глядя на меню, значит, брала его здесь не впервые. Запомнить это было несложно. Сложнее оказалось признать, что сегодня он думал о её кофе ещё до того, как машина въехала на парковку.

И о Данилове.

Максим работал в этом здании, знал время Катиных перерывов и уже приносил ей кофе без повода. Он мог снова оказаться рядом раньше. Само предположение раздражало

Лоренцо настолько, что девушка за стойкой дважды спросила, нужен ли сахар, прежде чем он ответил.

— Один большой капучино без сахара, — уточнил Лоренцо.

— Вам с собой?

— Не мне.

Она больше ничего не спросила.

Михаил советовал назвать свой интерес прямо. Лоренцо не отказался от этой мысли. Но начинать разговор с объяснений человеку, который ещё не успел выпить кофе, казалось неразумным даже по человеческим меркам.

Он взял стакан и направился к центральной галерее.

Один из эскалаторов временно остановили для замены ступени, поэтому у лифтов собралась плотная толпа. Люди с пакетами, сотрудники магазинов, женщина с детской коляской и двое курьеров ждали сразу перед тремя дверями. Лоренцо мог пройти к служебному лифту за углом. Он уже собирался это сделать, когда услышал знакомый голос.

— Я не спешу. Проходите.

Екатерина стояла у дальней кабины, пропуская женщину с ребёнком. Рабочее платье скрывалось под расстёгнутым пальто, волосы были собраны в низкий узел, который к середине дня уже начал распадаться. Несколько тяжёлых прядей лежали на воротнике.

Лоренцо изменил направление.

Катя заметила его только у самых дверей.

— Добрый день.

— Екатерина.

Её взгляд опустился на стакан в его руке, но спросить она не успела. Двери открылись, и люди одновременно двинулись вперёд.

Лоренцо вошёл следом за ней.

В кабине уже стояли шесть человек. Женщина с коляской заняла место у панели, курьеры прижались к зеркальной стене, остальные пытались убрать пакеты так, чтобы не задевать соседей. При появлении Лоренцо двое сотрудников торгового центра узнали его и машинально отступили, однако свободнее от этого не стало. Катя оказалась возле дальней стены. Он встал перед ней, удерживая стакан в левой руке.

— Вы тоже на третий? — спросила она.

— Теперь да.

Она посмотрела внимательнее, но двери закрылись.

На втором этаже кабина остановилась снова. Снаружи ждали ещё пятеро. Один мужчина оценил заполненный лифт и остался, трое всё-таки вошли, а четвёртый протиснулся последним, развернув на плече большой рюкзак.

Лоренцо поднял правую руку и упёрся ладонью в стену возле Катиной головы прежде, чем рюкзак задел её лицо. Чужая спина натолкнулась на его локоть и остановилась.

— Осторожнее, — произнёс Лоренцо.

Мужчина попытался обернуться, увидел его лицо и сразу перестал двигаться.

Лифт тронулся. Катя качнулась вперёд. Лоренцо положил ладонь ей на талию и вернул к стене, но следующий толчок прижал её уже к нему. Одна её рука легла на лацкан его пиджака, другая — на грудь, будто она собиралась отстраниться и поняла, что отступить некуда.

Он не убрал ладонь.

— Простите, — тихо сказала Катя.

— Вы ничего не сделали.

— Я опять на вас падаю.

— На этот раз у вас есть уважительная причина.

Она подняла голову. Между их лицами осталось так мало места, что Лоренцо чувствовал её дыхание на подбородке.

Одна из выбившихся прядей коснулась его щеки.

Для вампира запах человека никогда не был просто приятной или неприятной деталью. Он отличал людей по нему не хуже, чем по лицам и голосам. Одежду можно было сменить, духи — смыть, волосы — перекрасить. Живой запах оставался: кожа, кровь, дыхание, всё, к чему человек прикасался за последние часы. Однажды запомнив его, вампир узнавал человека в темноте и среди сотен других.

Запах Екатерины Лоренцо уже знал.

Сегодня в её волосах остались прохладный воздух улицы, лёгкий шампунь и едва заметный кофе — вероятно, чужой, выпитый кем-то рядом в комнате отдыха. Под ними было её тепло. И кровь, конечно. Он всегда слышал кровь, но голод не заставлял задерживать дыхание, когда рыжая прядь снова

скользнула по его коже.

Ему хотелось наклониться и коснуться губами её виска.

Катя не отодвинулась. Только пальцы на его пиджаке сжались сильнее, когда лифт замедлился перед третьим этажом.

Раньше, когда она оказывалась в его руках, Лоренцо слышал её сердце. Быстрое после падения, ровное у камина, сбившееся на один удар в коридоре старого корпуса.

Сейчас сердец было два.

Её билось часто и близко, в прижатой к нему груди. Собственное отвечало медленнее, тяжелее — прямо под её ладонью — и с каждым ударом становилось всё заметнее. Обычно Лоренцо не прислушивался к нему. Сердце просто работало — спокойно и послушно, как всё в его теле. Екатерина за несколько секунд заставила его потерять привычный ритм, даже не пытаясь.

От второго до третьего этажа лифт поднялся за несколько секунд. Лоренцо знал это точно — кабина двигалась быстро. И всё же, пока её ладонь лежала у него на груди, казалось, прошло не меньше получаса.

Двери открылись.

Люди начали выходить, но Лоренцо ещё мгновение оставался на месте. Катя посмотрела на его руку у своей талии, затем снова ему в лицо.

— Нам здесь, — напомнила она.

— Я помню.

Он развернулся, пропуская её первой, и положил ладонь

ей на спину. Не потому, что Катя могла упасть. Просто не хотел, чтобы выходявший следом курьер задел её плечом.

Курьер всё равно оказался слишком близко.

Это тоже раздражало.

В галерее Катя остановилась и поправила пальто. Ремень сумки прижал одну прядь к воротнику. Лоренцо высвободил волосы раньше, чем она заметила. Его пальцы прошли под тяжёлой прядью и на секунду коснулись тёплой кожи у основания шеи.

Катя замерла.

— Они зацепились, — сказал он.

— Я поняла.

Она не отошла. Только повернулась к нему, и распущенная прядь легла поверх его пальцев. Лоренцо медленно отпустил её.

— Вам правда обязательно каждый раз поправлять мои волосы?

— Нет.

— Тогда зачем?

— Мне нравится к ним прикасаться.

Катя смотрела на него, забыв застегнуть сумку. Её сердце ещё не вернулось к обычному ритму после лифта и теперь снова ускорилося.

Лоренцо протянул ей стакан.

— Это вам.

Она взяла кофе обеими руками.

— Вы всё это время держали его в лифте?

— Как видите.

— И не пролили.

— У меня было преимущество.

— Какое?

— Я прижимал к стене вас, а не стакан.

Катя моргнула. Потом рассмеялась — негромко, всё ещё смущённо, но уже не пытаясь спрятать реакцию за первым разумным объяснением.

— Я только собиралась сходить за кофе.

— Знаю.

— Откуда?

Лоренцо мог сказать, что услышал её усталость ещё внизу. Что утром четверга она всегда брала кофе перед длинной второй половиной смены. Что последние несколько дней он замечал слишком много вещей, которые прежде счёл бы не заслуживающими внимания.

— Предположил.

Катя сняла крышку, посмотрела на светлую пену и снова подняла глаза.

— Большой капучино без сахара.

— Такой вы заказывали в прошлый раз.

— Вы запомнили?

— Да.

Она провела большим пальцем по тёплому картону. Ответ явно требовал нового места в той системе, где поступки

Лоренцо до сих пор превращались в работу, благодарность или случайность.

Он не собирался помогать ей искать.

— Кать!

Максим шёл от служебного коридора. Форменная куртка была расстёгнута, в руке он держал папку с журналами обхода. Катя повернулась к нему сразу, привычно и легко.

— Добрый день, — сказала она. — Машина утром завелась.

— Я рад за нас обоих. Я как раз собирался позвать тебя за кофе.

Его взгляд остановился на стакане, затем перешёл к Лоренцо.

— Господин Вальери.

— Данилов.

Максим чуть заметно улыбнулся.

— Вижу, меня опередили.

— Да.

Лоренцо ответил слишком быстро. Катя посмотрела на него поверх крышки.

— Тогда в другой раз, — сказал Максим. — Кать, после шести подойди на пост, подпишешь акт по эвакуатору. Служба передала его вместе с отчётом.

— Хорошо.

Он легко коснулся её локтя папкой, прощаясь, и пошёл дальше.

Прикосновение длилось меньше секунды.

Лоренцо всё равно проводил его взглядом до поворота.

— Максим вас раздражает? — спросила Катя.

— Сегодня меньше, чем обычно.

— Почему?

Он посмотрел на стакан в её руках.

— Я успел первым.

— Вы опять шутите?

— Нет.

Катя сделала первый глоток, пряча за стаканом улыбку.

* * *

Совещание началось через тридцать две минуты.

Лоренцо знал это время точно, потому что все тридцать две минуты думал не о расчётах. На ладони оставалось тепло Катиной талии. На щеке — почти невесомое прикосновение волос. Собственное сердце давно вернулось к обычному ритму, но теперь он слишком хорошо знал, как легко Екатерина могла его изменить.

Работа всё же потребовала внимания. Архитекторы принесли два варианта перехода, техническая служба пересчитала нагрузку, Павел нашёл в договоре подрядчика пункт, который позволял заменить часть материалов без увеличения бюджета. Лоренцо задавал вопросы, исправлял цифры и ни разу не посмотрел в сторону ювелирного салона.

До тех пор, пока совещание не закончилось.

Катя стояла у витрины с мужчиной лет сорока. Покупа-

тель выбирал браслет и несколько раз просил показать, как работает застёжка. Катя взяла его руку, повернула запястье и аккуратно закрыла замок.

Лоренцо остановился у стеклянного ограждения.

Прикосновение было частью её работы. Такое же точное и безличное, как движение, которым она поправляла украшение на подставке. Мужчина смотрел не на Катю, а на браслет.

Это ничего не меняло.

Лоренцо раздражала застёжка под её пальцами. Чужое запястье. Стекло между ними. Даже прядь, снова выбившаяся из причёски и касавшаяся её щеки там, где недавно были его пальцы.

В последние дни слишком многое получало право прикасаться к Екатерине без усилий. Толпа в лифте, ремень сумки, покупатели, Данилов. Самому Лоренцо каждое прикосновение приходилось отнимать у обстоятельств — ловить её, удерживать от падающего металла, освобождать волосы из-под ремня.

Ему надоело ждать обстоятельств.

Покупатель выбрал браслет. Катя передала его Рите для оформления, подняла голову и увидела Лоренцо.

Он подозвал её одним движением.

Катя сказала что-то Ирине Павловне, вышла из салона и остановилась перед ним. Волосы она успела убрать, но теперь узел держался на одной шпильке.

— Кофе был правильный, — сказала она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.